

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Сожженная Москва

Русский исторический бестселлер

Александр Тамоников

**Иван Грозный.
Сожженная Москва**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Иван Грозный. Сожженная Москва / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2020 — (Русский исторический бестселлер)

ISBN 978-5-04-108320-5

1571 год. Иван Грозный обеспокоен частыми вылазками крымских татар. Кочевники тайно проникают через русские кордоны и пытаются разведать расположение укреплений и удобные переправы через реки. Царь поручает своему приближенному Махайле Бордаку выяснить истинные намерения противника. На Изюмском шляхе отряд Бордака настигает лазутчиков и берет в плен «языка». Тот сообщает о предстоящем нашествии ордынцев. Нужно срочно предупредить государя. Но посланные с тревожной вестью гонцы попадают в засаду и погибают. Тучи над русским порубежьем сгущаются...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108320-5

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	27
Глава третья	50
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Тамоников

Иван Грозный. Сожженная Москва

© Тамоников А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава первая

Как только солнце поднялось над горным хребтом, мужчина средних лет в костюме, выдававшем в нем литвина, вышел из калитки сплошной линии уличной ограды. Остановился, погладил непривычно гладкий подбородок – бороду до появления в Крыму пришлось сбрить, что тоже указывало на его принадлежность к подданству Речи Посполитой, – и вздохнул. Со двора появился невзрачного вида местный житель.

– Что встал, Михайло? – спросил он мужчину на довольно чистом русском языке.

– Кафа, – коротко ответил тот.

– Что, Кафа? – не понял татарин.

– Ничего, Ризван. Ненавижу этот город!

– Не нравится? Но почему? – удивился хозяин подворья. – Красивый город, посмотри, широкие улицы, голубая бухта, все в зелени, в садах, дорогие дома, крепость. А мечети и православные храмы? Фонтаны?

Улица, где стояло подворье, находилась на возвышенности, откуда хорошо просматривалась вся Кафа.

– Да, – проговорил мужчина, – дома, улицы, храмы, мечети, фонтаны, караван-сарай, кофейни, чайханы, лавки, базары и бухта, полная судов. Ты только не вспомнил еще об одной достопримечательности своего славного города – «площади слез». Кстати, там тоже красиво, когда нет торгашей и невольников.

– Вот ты о чем? – сдвинул тюбетейку на затылок татарин. – Но кто же виноват, что здесь издавна устроен невольничий рынок? И замечу, он в Крыму не один.

– Ладно, – кивнул мужчина и, расстегнув ворот рубахи, добавил: – День сегодня обещает быть жарким, но нравится не нравится, а треба сполнять повеление. Ты уверен, что человек мурзы Азата будет сегодня на рынке?

– Курбан, что должен встретить тебя на площади, заверял, что будет, а там – как Всевышнему угодно.

– Пошел я, Ризван. Похож на литвина?

– Я долгую жизнь прожил здесь, в городе, где все перемешано, и восток, и запад, и юг, и север, и можешь поверить – похож. Правда, мне непривычно видеть тебя без бороды.

– Не бреди душу, самому противно, – прервал мужчину татарина.

– Ты меньше гладь щетину и вполне сойдешь за литвина.

– Добре, басурман, благодарю за приют, хлеб-соль, кров.

– Нынче не вернешься?

– Не ведаю. Не должен, но как разговор с мурзой сложится...

– Хранит тебя твой бог!

– У нас один бог.

– Не будем спорить, расставаясь, кто знает, когда еще увидимся.

– Бывай! – Мужчина поправил головной убор и пошел вниз по улице.

Татарин проводил его взглядом, осмотрел улицу, никто не видел, что чужак вышел из его двора, и то хорошо. Затем вернулся во двор и позвал жену:

– Ирада!

– Да, Ризван? – отозвался молодой голос.

– Иди сюда, бездельница!

Тем временем тайный посланник Москвы в Крымском ханстве Михайло Бордак прошел из одной части города в другую и вышел на широкую улицу. Здесь, в отличие от окраин, жизнь уже всю кипела. Тут всяких полно, и татары, и турки, и генуэзцы, и греки, даже эфиопы в национальных нарядах, невообразимо красочных и в то же время безвкусовых, богатые

и нищие в лохмотьях. И речь всякая, громкая, крикливая. Складывалось ощущение, что люди вышли на улицу, чтобы покричать друг на друга. Орала ослы, скрипели арбы, со всех сторон лилась музыка уличных музыкантов, торгошники зазывали в лавки, расхваливая товар. После Москвы и городов русских тут можно было одуреть. Шум и гам выматывали душу. Но таков этот приморский город – с роскошью дворцов и храмов, статуй, фонтанов и нищетою чрезмерно мелких улочек и проулков, где вплотную теснились крохотные дома и где легко можно было угодить под смердящую жижу и мусор, выбрасываемый через забор владельцами этих лачуг.

Кафа знала разные времена. И подъемы, и упадки, то в ней хозяйничали генуэзцы, то османы. Последние через крымского хана Девлет-Гирея пришли и сейчас. Они отняли Кафу у генуэзцев и привнесли свою восточную культуру вперемежку с бескультурьем. Рядом с роскошными дворцами поднялись богатые мечети с высокими минаретами, здания бань, кофейнь. Была Кафа, стала Кучук-Стамбул или Крым-Стамбул, малым Константинополем. Но название не прижилось, и Кафа осталась Кафой. Уже другой, но Кафой. Своеобразие города восхищало и угнетало, даже пугало тех, кто приезжал сюда впервые.

Михайло Бордак был здесь не первый раз, ныне под видом купца из Литвы. Но и он ощущал себя в Кафе подавленно, раздраженно. А может, это оттого, что приходилось менять свой облик? Брить бороду, отращивать волосы, подстригать усы, что на Руси являлось неприличным, чуждым.

Он шел в задумчивости, прося Господа о том, чтобы встреча с одним из влиятельных крымских вельмож состоялась в назначенное время и не пришлось бы ждать, приходя ежедневно в проклятое место, а, отчитавшись, уехать в родную Москву. Оттого и не заметил татарчонка, державшего на плечах внушительных размеров тюк. Этот тюк и ударил в голову Михайло. Но он, крепкий телом, устоял, а вот щуплый, но жилистый татарчонок, по сути, отрок еще, споткнулся, свалился на мостовую и тут же закричал по-татарски:

– Слеп, литвин?! Не видишь, что кругом люди?!

Бордак хотел помочь ему подняться, но татарчонок, шипя змеей, встал сам и позвал ближних людей, таких же, как он, чтобы помогли поднять тюк. Злобно ругаясь на неповоротливого литвина, он скрылся в проулке.

Теперь Михайло шел по улице, уже осматриваясь. Совсем рядом, едва не зацепив его, прогромыхла арба, что тащил ишак. Бордак удивлялся этому животному. Ростом невелик, а бывает, нагрузят на него целый воз всякой всячины, да еще погонщик сверху взгромоздится, и стоит ишак, опустив голову, пока погонщик не ударит его длинной палкой по растопыренным большим ушам с командой, напоминающей шипение змеи – что-то вроде иши или ищъ, – и волочит животное воз с возницей. Мимо пробежали водоносы, тащившие объемные бурдюки с чистой родниковой водой к подворьям, за заборами которых виднелись дома в несколько этажей.

– Дай деньгу, дай деньгу, иноземец, – схватила Михайло за рукав какая-то нищенка.

Еле отбился от нее, бросив на мостовую мелочь, и ускорил шаг, видя, что солнце поднимается все выше и выше.

Встреча с местным вельможей должна состояться до полуденного намаза, след поторопиться. Главное, чтобы Курбан пришел.

Торговец лепешками чуть ли не под нос сунул горячий товар:

– Возьми, литвин, вкусно!

Пришлось купить. Но о том Михайло не пожалел, лепешка действительно была вкусной.

Наконец он прошел эту торговую улицу. Теперь следовало свернуть на улицу малую. И вот тут сердце московского посланника словно железным обручем сжало. Рука невольно потянулась к поясу, под которым закреплена сабля в ножнах.

Удержался, но как хотелось...

Он вышел на улицу, ведущую вниз прямым к так называемой «площади слез» – невольничьему рынку Кафы, печально известному далеко за пределами Крыма.

Невольников гнали сотнями. Мужчины и женщины, связанные между собой десятками, большинство в кандалах, от которых кровоточили босые ноги, окровавленные лохмотья, работорговцы не скупилась на удары плетью невольников, рядом в арбах корзины, в них... дети. Мальчики и девочки. Это очень ходовой и ценный товар, не уступавший молодым красивым девушкам, которых теперь ждала судьба наложниц в гаремах знати разных стран. Последние – в праздничной одежде, брови подведены, румяна наложены, густые волосы уложены. Красавицы, да вот только в глазах печаль смертная.

Как уж удалось одной из женщин избавиться от пут, но удалось, и она, вырвавшись из строя, рванулась к ближней арбе, крича:

– Петруша, сыночек!

В ответ – детский плач. И женщина в плач.

Погонщики дело свое знали. Не добежала женщина до арбы. На ее тело обрушилась плеть, которая сбила с ног. Смуглый худощавый татарин с почерневшими зубами оскалился, как шакал, почуявший легкую добычу, вновь занес плеть над женщиной, чья спина алела рубцом первого удара, но тут раздался окрик старшего:

– Таиф! Стоять! – и чернозубый застыл на месте. – Ты что, поганец, хочешь, чтобы мурза спросил с нас за испорченный товар? Убери плеть, бабу в строй. И как она могла отвязаться?

– Веревки перегрызла, – фыркнул татарин, засовывая плеть в сапог с заостренным и изогнутым вверх носком. – Но Хамид-ага, если не наказывать строптивых, другие взбунтуются. Это же москали, они и в полону не послушны. Им только дай случай, с голыми руками на охрану бросятся.

– Бабу на место, и крепче привяжи ее к шесту, на ноги колодки.

– Так нету у нас боле колодок.

– У нас нету, у других попроси. И давай заканчивай этот беспорядок, сзади народ подпират.

Один погонщик ничего с женщиной сделать не смог, она вскочила и вновь рванулась к арбе. Ее сбили с ног ударом кулака подоспевшие татары. Несчастную затащили в строй, привязали к шесту, шест – к другой женщине. Подошел молодой погонщик с колодками. Несколько ударов, и женщина уже еле передвигала ноги, оглядываясь на арбу, где все дети уже плакали. Плач в арбе, плач в толпе, повсюду плач, плач, рвущий душу. Так могли плакать только те, кто знал, что будет с ними дальше. Взрослых успокоили, но дети продолжали плакать. Плач пошел по другим арбам.

Михайло сжал кулаки. Эх, была бы его воля, вытащил бы саблю да порубал на куски эту басурманскую нечисть! Может, и сам бы лег здесь, изрубленный, но и погонщиков людей положил бы немало.

Он перевел взгляд на арбу, к которой так стремилась женщина.

В передней повозке два мальчика, годков по пять. Один похож на женщину, видать, и есть Петруша. Этим детишкам еще повезло, они живыми добрались до Крыма, а скольких убили по дороге и выбросили в канавы? Слабые и болезные татарам не нужны, кто будет платить за порченный товар? Посему и рубили головы всем, кто проявлял слабость. И это на виду у остальных. Рубили детей на глазах у родителей, рубили родителей на глазах у детей, зачастую, не сходя с тракта, прямо у дороги насиловали женщин, чьих-то дочерей, матерей, жен. Потому как для работорговцев это были не люди, это был товар. Хотя как знать, кому повезло больше. Тому, кто сейчас сидит в повозке, идет в толпе, или тем, кто остался растерзанным у дороги. Те по крайней мере отмучились, этих же адские, страшные муки ждали впереди. Всех. И Петрушу, которого наверняка купит какой-нибудь извращенец для утех своих безобразных, а мальчишка просто не выдержит и помрет в мучениях. И мать его, которая будет некоторое время развле-

кать нового хозяина, а потом, быстро состарившись, отдаст Богу душу от трудов тяжелых, невыносимых. В полону долго не живут. Мужики выглядели хмурыми, бледными. Редко у кого не стояла метка татарской плети. Но их сковывали особо крепко, дабы не сбежали. Знали басурмане, что русский народ отчаянный, свободолюбивый. Оттого на рынке русских выставляли как невольников из земель польско-литовских. За русского платили меньше.

Прошла сотня рабов, за ней потянулась другая. И все то же самое, ослы тащат арбы с повозками, в которых дети, красивые молодые девушки, колонны невольников мужчин и женщин разных возрастов. Старых, пожилых нет, их просто забивали.

Бордак знал, как проходит торг. Сначала купцы разберут девушек, мальчиков, девочек, затем крепких мужчин и женщин, которых можно отправить на тяжелые работы, турки будут брать сильных, им нужны гребцы на галеры. За день большинство невольников разберут. Торговцы после вечернего намаза – Магриба, когда солнце уйдет за горизонт, устроят пир, отмечая выгодный торг. Кто-то продаст невольников за хорошую цену, кто-то купит тех, кого в десять раз дороже перепродает в Турции или в Генуе.

Проданных невольников накормят. Ценный товар – щедро, не скупясь на кушанья, рабов для дальнейшей продажи – похлебкой, уложат спать, если в сей же день не отправят в море на судах, что сотнями стоят в порту, в бухтах.

Хуже всего придется тем, кого продать иноземным купцам не удастся. Этим ждет воистину ад земной. С такими обычно поступают дьявольски жестоко, изощренно, отрезают уши, рвут ноздри, прижигают каленым железом и бросают в темницы, чтобы потом использовать на самых тяжелых работах в городе, в каменоломнях, шахтах, да мало ли где еще, куда даже рабов, имеющих самых жестоких хозяев, не посылали. Кормить будут гнилым мясом подохших животных, а то и бросив в темницы горсти порченого зерна, непригодного для домашнего скота. Воды глоток, и то грязной, протухшей. И бить, бить, бить, при любом поводе и безо всякого повода. И эти невольники будут просить Господа, чтобы ниспослал им смерть.

В тяжелых мыслях Михайло дошел до «площади слез». Со всех сторон пирамидальные тополя и минареты, дающие хоть какую-то тень. Фонтаны, среди которых в центре главный, низвергающий мириады брызг освежающей влаги. Спуск к морю. Торговцы людьми заняли свои места. Они горлопанили и тут же выставляли напоказ свой «товар», готовясь к шумной торговле в ожидании посетителей.

Бордак встал у фонтана и не сразу заметил, как к нему подползла страшная своим уродством старуха. Без ушей, волос, нескольких пальцев на руках. Страшно смотрелись черные дыры вместо глаз – когда-то ее лишили зрения.

– Человеке, помоги, коли душа в тебе еще осталась! – прошептала она по-русски.

– Кто ты? – спросил Бордак.

– Ты не литвин, – как-то напряглась старуха.

– А с чего ты вообще взяла, что я из Речи Посполитой? Ведь не зришь же?

– Запах одежды твоей. Очи выжгли, а нюх стал, как у собаки. Одежда на тебе литовская.

А сам не литвин, ты... русский.

– Нет, старая, на сей раз подвел тебя нюх.

– Нюх не мог подвести, да и говор у тебя рязанский.

– Сама, что ли, из Рязани?

– Оттуда. А ты как попал сюда? Аль тоже, как басурмане, занялся собачьим делом несчастных полонян продавать?

– А если так, то что?

– Тогда будь ты проклят! И забудь, что русский. Ты... – Старуха не договорила и полезла обратно в тень.

Михайло заметил продавца лепешек, подозвал его, купил одну и окликнул старуху:

– Эй, старая, возьми хлеб!

– От тебя не треба ничего!

– Я не торговец, случайно здесь. И родом из Киева, хотя мать русская. Я не людьми торгую, а сукном.

– Не брешешь?

– Были бы очи, увидела бы, как перекрестился.

– Ты крестись, я учую.

Бордак перекрестился, и старуха подползла к нему. Михайло отдал ей лепешку, и она вонзилась в нее оставшимися зубами. Ела жадно, отрывая большие куски и глотая их, почти не пережевывая. После, как сбила голод, спрятала остатки еды под лохмотья, забралась на парапет фонтана, свесилась и, лакая, как собака, попила воды.

– Спасибо, – упала она к ногам Бордака.

– Возьми немного денег.

– Пошто за так даешь?

– По то, что... не важно, бери!

Михайло бросил монеты, и они тут же исчезли в лохмотьях.

– Давно ли тут маешься, старуха?

– Да уж двадцатый годок в полоне. Девкой попала к татарам, когда село наше они разграбили.

– Что за село?

– Смеяться будешь. Веселым село называлось.

– Девкой, молвишь? Сколько же тебе тогда годков было?

– Шестнадцать.

– Погоди, это что ж, тебе ныне тридцать шесть лет?! – удивленно воскликнул Бордак.

– Да, – вздохнула старуха. – А дашь сколько? Все шестьдесят? Да только тут до таких лет не доживают. А выгляжу древней старухой из-за пережитого в полоне. Меня Глафирой на селе звали, тут стали звать Гульнарой. На этом самом рынке местный вельможа купил к себе в гарем. Знал бы ты, как я танцевала. Научили меня танцу, танец живота зовется. Мне равных не было. Бек вельми доволен был, часто в покои свои звал. А я все о родине думала, мыслила, как бежать отсель. Но как и куда сбежишь? Недолго жизнь моя в «золотой клетке» продолжалась. Однажды в танце ногу сломала. Случайно, но так, что хромать стала. А хромая наложница кому нужна? Отдал меня бек своему верному нукеру Амиру. А тот ох лют был и до баб охоч. Что он вытворял со мной, о том и вспоминать тяжко. Это он изуродовал меня. И отправил на работы в хозяйство своего брата, такого же зверя. Захворала я, ну, новый хозяин и выбросил меня на улицу. Выжила чудом. Молилась дюже, сюда приползла и уже год как тут обретаюсь. Но недолго мучиться осталось. Скоро помру я.

– Пошто молвишь речи непотребные? Кому когда помирать, решает только Господь.

– Эх, добрый человек, и я о том ведаю. Осенью помру. Но куда я к себе в нору, а то еще неприятности у тебя из-за меня будут. Благодарствую за все, прощевай.

Бордак не стал останавливать эту тридцатишестилетнюю женщину, превратившуюся за годы полона в дряхлую, больную старуху, и Глафира-Гульнара уползла.

А Бордак осмотрелся. Человека, что должен был быть на площади, нет. А солнце все ближе к зениту. Начало припекать. Август месяц здесь жаркий. Иногда ветер со стороны моря приносил прохладу, но она не спасала. На небе ни облачка. И солнце словно хочет выжечь этот проклятый город.

Михайло услышал сзади крики торговцев. Обернулся. И заинтересовался. Недалече татарский купец пытался продать турку ту самую женщину, что бросалась к своему сыну на площади.

Покупатель бесцеремонно задирает платье невольницы, в которое ее, видно, переодели перед торгом, ощупывал икры, ляжки, ягодицы, руки, спину, лицо и цокал языком:

– Да она с виду только здоровая, а сама слаба, мышцы хилые.
– Хорошая, сильная баба, что ты, Булут! На ней пахать и пахать. Ты же знаешь меня, я плохой товар не продаю.

– Раньше у тебя лучше бабы были. Мальчишка, слов нет, хорош. Его можно продать в Константинополе, он понравится многим знатным вельможам. За него дам четыреста акче, как просишь, а вот за бабу только сто пятьдесят.

– Да что ты, Булут? Цена уруса непокорного двести пятьдесят акче, а ты за женщину, которую и на работы отправить можно, и в постели еще ублажит, сто пятьдесят?

– Больше не дам.

– За сто пятьдесят не продам.

– Тогда покупаю одного мальчишку.

– Если так, то цена его уже пятьсот!

– Ты хочешь поссориться со мной?

– Не разлучайте с сыном. Прошу вас, – прошептала женщина.

Продавец повернулся, ударил ее по щеке:

– Заткнись, свинья! Еще слово, и насмерть заporю!

Бордак, слыша все это, двинулся к торгашам. Бесцеремонно оттолкнул турка, несмотря на то что рядом стояли его нукеры.

– Отойди, дай товар посмотреть.

– Я смотрю, не видишь, литвин?

– Эй ты, продавец! – не обращая внимания на турка, крикнул Бордак татарину. – Сколько просишь за женщину с ребенком вместе?

Продавец расплылся в похотливой, хитрой ухмылке:

– Для тебя, уважаемый, бабу отдам за триста акче, пацаненка – за пятьсот. Хорошая цена.

Женщина пустыми глазами печально смотрела на нового покупателя. Знала, что тот слышал, о каких деньгах до него шел спор, но торг есть торг. Продавец устанавливает цену, покупатель либо соглашается, либо пытается сбить.

– Хорошо. Я покупаю товар, – не имея времени на торг, согласился Михайло.

Татарин едва не подпрыгнул от радости. Такого он не ожидал.

– И мать, и дитя берешь?

– Да, вместе.

– Ай, хорошо, ай, правильно! Видишь, Булут, есть люди, которые знают настоящую цену хорошему товару.

– Я с тобой больше не торгую, Мунис, – сплюнул на землю турок. – Продавай товар литвинам. Только что делать будешь, когда их самих здесь продавать начнем?

– А вот как начнем, тогда и поговорим, – кивнул татарин и повернулся к Бордаку: – С тебя восемьсот акче, литвин. Дозволь узнать твое имя?

– Мое имя тебе знать ни к чему. А деньги – держи.

Русский тайный посланник под видом литвина вытащил из-под рубахи кошелек, отсчитал из нее двадцать монет, а остальные деньги вместе с кошелеком кинул татарину.

Тот на лету поймал кошелек.

– Считай!

Продавец передал кошелек помощнику, сам же начал нахваливать уже проданный товар, причем громко, чтобы другие слышали, как дорого у него покупают невольников. А раз дорого, значит, и товар дорогой. Дорогой товар – хороший товар. К мурзе Мунису тут же подошли покупатели.

Бордак же кивнул женщине:

– Ты вот что, забирай сына и собирайся, да быстро!

– Да, да, я мигом! – обрадовалась она и бросилась к арбе, в которой уже половина корзины была пуста.

Мальчики и девочки продавались хорошо, но дешевле, нежели в случае с Бордаком, и совсем редко – вместе с матерью. Как правило, семьи невольников разделяли и продавали отдельно. Отца могли купить генуэзцы, детей – османы, мать – крымчане. И больше им не суждено было увидеть друг друга. Лишь в тех случаях, когда попадали под царский выкуп. На Руси выкупали невольников уже гораздо дороже. Но случаев, когда соединялись целые семьи, почти не было. Да и как выкупить их из разных стран?

Женщина собралась быстро, паренек был у нее на руках.

– Опустит ребенка, держи его за руку, иди за мной и делай то, что скажу, – посмотрел на нее Бордак.

– Да, господин. Хочу узнать, ты русский?

– Это тебя не касается. Как звать?

– Меня – Аленой, сына – Петрушей.

– Муж твой здесь?

– Нет. Он был с нами. Но у Перекопа, когда один из татар хотел изнасиловать меня, не сдержался, попытался вырваться из строя. Его зарубили. – На глазах женщины выступили слезы.

– Еще дети есть?

– Нет, только Петруша. А тебя как звать?

– Зови паном Мацеком.

– А куда ты нас увезешь?

– Все узнаешь. И молчи, Алена, у меня еще дела здесь. Успокойся, никто вас не обидит.

– Спасибо!

– Не за что.

Бордак наконец увидел ходившего у главного фонтана человека, который должен был его встретить и свести с влиятельным крымским вельможей.

– Курбан? – окликнул он татарина в одежде купца.

– Салам, Михайло! – Так Курбан называл посланца Москвы.

Женщина удивилась, то пан Мацек, то Михайло.

– Михайло – мое имя, – обернулся к ней Бордак. – А ты с дитем отойди в сторону. Тебе не надо слышать наш разговор.

– Да, господин, – поклонилась немного успокоившаяся женщина и отошла вместе с ребенком. Новый хозяин располагал к себе, было в нем что-то доброе, вызывающее доверие и отгоняющее страх, такой человек не способен на неоправданную жестокость.

Татарин, что встречал Бордака, не без удивления спросил:

– А это еще кто?

– Невольница и ее сын.

– Ты что, решил обзавестись рабами?

– Думай, о чем молвишь, Курбан! Пришлось выкупить, иначе их разделили бы.

– А! А я уж, но ладно. Тебе надо идти к крепости, это по соседней улочке, что выше невольничьего рынка. Последняя калитка массивных ворот в крепостной стене открыта, войдешь, во дворе тебя встретят нукеры мурзы Азата, проводят к нему. Я буду ждать здесь.

– А где Осип Тугай?

– Он на торговой улице.

– Уразумел, – кивнул Бордак. – А ты, Курбан, вот что, покуда я буду говорить с мурзой, отведи женщину с ребенком к Ризвану, передай, я просил приютить их. Деньги... – Он достал вторую кошелек, отсыпал оттуда горсть монет. – Эти деньги отдашь ему, чтобы кормил и при-вечал их.

– Долго ли Ризвану привечать невольников?

– Они уже не невольники. А долго ли? Думаю, неделю, а как выйдет, неведомо.

– Яхши, передам. Ирада, жена Ризвана, женщина добрая, гостеприимная, она примет постояльцев.

– Не хватит денег, потом доплачу или через кого-нибудь пришлю.

– Хватит, за то не беспокойся.

– Да, еще, накорми их по пути.

– Яхши. Накормлю, напою женщину с дитем, отведу к Ризвану и обратно к мурзе. Так?

– Да!

Бордак подозвал женщину к себе. Она подошла, уже по привычке склонив голову:

– Слушаю, господин.

– Я тебе не господин, Алена. Но это не главное. Пойдешь с ним, – указал он на татарина и, заметив испуг в ее глазах, добавил: – И не бойся ничего. Он ответит тебя на окраину города. Там тебя с Петрушей примут хорошие люди. Поживешь какое-то время у них. Из подворья на улицу не выходить. Будет нужда, помогай жене хозяина дома. За тобой придут. Либо я, либо человек от меня, и вернешься ты домой.

– Правда?

– Правда. Ты все поняла?

– Да, пан Мацек.

Татарин посмотрел на посланника, затем на женщину, пожал плечами и сказал ей:

– Иди за мной, да не отставай!

Они отправились на окраину, а Михайло двинулся к крепости. Идти было недалеко, и вскоре он остановился у крайнего подворья, окруженного крепким забором, с воротами, украшенными замысловатым, витым восточным орнаментом. Вокруг ни души. Калитка действительно была не заперта, и Бордак, войдя во двор, сразу же оказался в окружении вооруженных нукеров.

– Это ты к господину Азату? – спросил десятник.

– А вы другого ждали?

– Я задал вопрос, – нахмурился татарин.

– Да, это я к господину Азату.

– Назовись.

– Михайло Бордак.

– Яхши! Ступай за мной!

У входа разулись, зашли в дом. Он был большой, П-образный, в два этажа, с глухими стенами внешней стороны и окнами, выходящими на внутренний двор, где журчал небольшой фонтан в окружении пирамидальных тополей.

Поднялись на второй этаж мужской половины дома.

Азат ждал гостя в большой комнате, пол которой был покрыт дорогим персидским ковром, на нем низкий стол, а вокруг шелковые подушки, в углу резной шкаф. Больше ничего, не считая сундука в противоположном углу, где аккуратной стопой лежали матрасы, одеяла, большие подушки.

Мурза встретил его с присущим востоку радушием:

– Боярин, приветствую тебя в своем доме. Рад, весьма рад! – и указал на стол и подушки: – Присаживайся.

– Я также приветствую тебя, мурза, передаю самые добрые пожелания от государя и надежу в том, что встреча наша не станет пустым разговором. В знак уважения, мурза, прими это.

Михайло снял с пояса кинжал в серебряных ножнах, который ранее не был виден на одежде посланника. Верх рукоятки кинжала украшал большой драгоценный камень, от которого во все стороны расходились лучи от пробивающегося через окна солнца.

– Благодарю. Лучший подарок для мужчины – оружие. Смотрю, не простой кинжал.

– Специально для тебя сделан из лучшей дамасской стали.

– Еще раз благодарю. Но у нас не так много времени. Начнем разговор?

– Да, конечно.

Мурза трижды хлопнул в ладоши, и женщина, вся с ног до головы укутанная в белое одеянье и с закрытым лицом, внесла поднос с чайником, пиалами, хрустальной вазой со сладостями. Выставив все это на стол, кланяясь и пятась, она удалилась.

Посланник и мурза присели за стол, и Азат разлил зеленый ароматный чай по пиалам. Какой разговор на востоке без чая.

Отпив несколько глотков, он заговорил:

– Послезавтра к хану Девлет-Гирею прибывает турецкий посол Карбали-паша. Хан намерен собрать малый диван (совет), в который должен войти и я. По крайней мере приглашение мне передали. Сначала, естественно, хан и посол поговорят отдельно, а вот на что нужен диван? Мыслью, для утверждения какой-то предварительной договоренности.

– Диван назначен тоже на послезавтра? – поставив на столик пустую пиалу, спросил Бордак.

– Да, после вечернего намаза.

– И ты убываешь в Бахчисарай?

– А как я могу присутствовать на диване, сидя здесь, в Кафе? – рассмеялся мурза.

– Да, признаюсь, спросил глупость. Как мыслишь, насколько задержишься в Бахчисарае?

– Того не ведает никто, кроме Всевышнего.

– Хорошо. Я буду у Ризвана, но учти, мурза, Москве нужны полные сведения о том, что будет происходить в Бахчисарае. Возможно узнать, о чем станут говорить хан и посол наедине?

– Это сложно, но возможно, – ответил Азат, поглаживая жиденькую бородку. – Правда, придется заплатить много.

– Сколько?

– Десять тысяч акче.

– Да, сумма приличная.

– А разговор может быть совершенно пустым, – усмехнулся мурза. – Скажем, о молодых девушках в гареме султана Селима II. Но решать тебе, стоит платить или нет.

– Заплачу. Серебром возьмешь?

– Возьму.

– Вечером Курбана пришли, он принесет.

– Хоп, договорились.

Бордак выпрямил ноги, долго сидеть, скрестив их под собой, он так и не привык.

Азат налил еще чаю и посмотрел на него:

– Мне сказали, ты на невольничьем рынке бабу с ребенком купил? Что, москвитяне тоже хотят иметь гаремы?

– Мы не посягаем на ваши обычаи и традиции, у нас свои. Я наложниц не держу.

– Так зачем купил бабу и мальчишку? Или хочешь скрасить свою жизнь здесь, в Крыму, а потом и на Москве?

– Тебе не кажется, что ты задаешь не те вопросы, которые следует задавать? – нахмурился Бордак.

– Яхши, яхши, – поднял ладони мурза. – Твои дела – это твои дела. Твоя личная жизнь – это только твоя личная жизнь.

– Вот это верно. Значит, посол из Константинополя прибывает послезавтра, тогда же разговор хана с ним, вечером малый совет ближних вельмож. Все это должно пройти в четверг, так?

– Да, – кивнул Азат.

– И ты сразу же отправишься домой?

– Нет. Ты же знаешь, что пятница – праздничный день, праздничная молитва. Хан наверняка пожелает, чтобы все вельможи присутствовали на праздничной молитве. Затем он устроит пир в честь гостя из Высокой Порты. Так что выехать смогу в субботу, рано утром, если хан не задержит.

– От Бахчисарая до Кафы чуть более ста тридцати верст. Но гнать коней ты не станешь, – заметил Михайло.

– Нет, не стану, – улыбнулся мурза.

– Ответствуй, когда ждать тебя.

– Михайло! Все в руках Всевышнего, когда вернусь, тогда и вернусь. Ты узнаешь об этом.

– Ладно. Я жду сообщения о твоём возвращении у Ризвана. Хорошей дороги тебе, и побольше узнать о переговорах посла султана и хана. Твои нукеры выпустят меня?

– Я провожу, все равно выходить из дома.

– Яхши, мурза.

Хозяин дома и тайный русский посланник прошли из дома во внутренний двор, оттуда – во внешний. Нукеры открыли калитку и кивнули Бордаку. Поправив головной убор, он двинулся обратно к торговой улице и спустя полчаса был уже на подворье Ризвана.

Во дворе находился его сын, Хусам, которому недавно исполнилось восемнадцать лет, и выглядел он вполне взрослым.

– Салам, Михайло-ага, – поздоровался юноша с русским посланником.

– Салам, Хусам, как дела?

– Слава Всевышнему, все хорошо.

– Ну и ладно. Отец дома?

– Да. Позвать? Хотя о чем это я, проходите, пожалуйста.

Но тут из дома вышел сам Ризван:

– Вернулся?

– Как видишь.

– Голоден, наверное?

– Да поел бы.

– Велеть Ираде подать кушанья в большую комнату?

– погоди, – покачал головой Бордак и посмотрел на татарина: – А почему ты ничего не говоришь о женщине с ребенком, которых должен был привести Курбан?

– Что о них говорить? Ты просил приютить, дал денег, я приютил.

– И где они сейчас?

– В задней пристройке. Там две комнаты, для них и это уже роскошь. А скажи, Михайло, зачем они тебе?

– Жалко стало, – ответил Бордак, присев на топчан под ветвистой грушей. – Турок хотел купить одного мальчика, чтобы перепродать в Порте. Ты же знаешь, как вельможи любят развлекаться с мальчиками. Погиб бы. Да и Алену ждала незавидная участь.

– Понятно, пожалел, значит. Много ли заплатил?

– Да какая разница, Ризван? Главное, они теперь мои, а позже станут свободными. Я хотел бы поговорить с женщиной, а то на площади удалось только несколькими фразами перекинуться.

– А чего же тогда и мужа ее не выкупил?

– Зарубили его. У Перекопа.

– Это частый случай, – кивнул Ризван. – А поговорить? Отчего ж не поговорить? Но определись, что наперво, откушаешь или говорить будешь?

– Поговорю сначала.

– Велеть ей прийти в твою комнату?

– Нет, пойду в пристройку.

– Хочешь проверить, как я их обустроил? – усмехнулся Ризван.

– Нет, просто там удобнее.

– Ступай. Женщина недавно искупала сына, сама помылась. Ирада подогрела воду. Все, что надо, я им дал. Потрапезничали. Слишком уж проголодались, хотя Курбан их накормил.

– Да, голод – это страшно.

– Голод и унижения. Но, Михайло, этой женщине ты помог, а кто другим поможет?

– Ты же знаешь, царь Иван Васильевич повелел выкупать полонян повсюду. И цены установлены привлекательные для рабовладельцев и торговцев.

– Слышал, за простого крестьянина пятнадцать рублей дают ваших?

– Да. За городских, посадских – двадцать, за вельмож, стрельцов – более сорока. И то, если стрелец не взят на поле брани. Коли в бою захвачен, за него Москва готова платить сто шестьдесят рублей. А у вас конь хороший на наши деньги пять рублей стоит. Вот Алену с мальчишкой выкупил за четыре рубля.

Ризван погладил бородку, подсчитывая в уме. Затем проговорил:

– А, пожалуй, это подействует. Всех, конечно, не выкупить, но многих удастся. В Порте за мужика дают до трех тысяч акче, это получается пятнадцать рублей. Так какой смысл отдавать невольников туркам, когда за те же деньги, а то и дороже, можно обратно перепродать. И не тащить в Кафу, а вести торг у Перекопа. Это ваш царь хорошо придумал.

– Выкуп существовал и до него, Иван Васильевич только это дело на широкую ногу ставит.

– Да поможет ему Всевышний в деяниях добрых. Ну, ты ступай к своей Алене, а я скажу Ираде, чтобы мясо подогрела. Я буду в большой комнате.

– Хоп, Ризван.

Бордак обошел дом, вышел к пристройке.

Алена и Петруша сидели на низкой лавочке, обнявшись. Завидев спасителя, похорошевшая Алена, одетая в новое платье, бросилась в ноги Бордака:

– Пан Мацек! Я так благодарна тебе за сына...

– Ну что ты, Алена, встань! – оторопел Бордак.

– Нет. Ты наш избавитель, пан Мацек, я готова служить тебе всю жизнь, лишь бы сынок, покуда подрастет, был со мной. Одни мы остались на этом свете.

Посланник пришел в себя, поднял женщину:

– Ты это, Алена, рабские привычки брось. Ни ты, ни твой сын не рабы.

– Но ты ведь выкупил нас, значит, мы твои рабы.

– А ну сядь, а мальчик пусть побегает по саду, поест фрукты.

– А можно?

– Можно.

Петруша отбежал, но недалеко, боялся потерять мать из виду.

Весь путь от дома мурзы до дома Ризвана Михайло размышлял, открыться Алене или нет. В конце концов пришел к выводу, что утаить от женщины, кто он такой, когда придется еще какое-то время жить рядом, не получится.

– Алена, – повернулся он к женщине, – я не литвин, не пан, не Михай Мацек.

– А кто? – В глазах женщины промелькнула тревога.

– Не бойся. Я русский. Из Москвы.

– Из Москвы? – удивилась она. – А здесь что делаешь? – Но тут же спохватилась: – Прости, бога ради, я не должна ни о чем спрашивать тебя.

– Почему же? Спрашивай, на что смогу, на то отвечу. Здесь я по делам. Не пугайся, они не связаны с торговлей живым товаром. У меня другие дела в Крыму. А вот какие, тебе знать не след.

– Да, конечно, а как же тогда называть тебя?

– Михайло.

– А что будет с нами? Ты возьмешь меня к себе в услужение? – с немим вопросом посмотрела на Бордака Алена.

– Я или люди, которые у нас здесь есть, переправят тебя и сына обратно в Русь. И ты, как свободная женщина, сможешь начать новую жизнь. Где вы жили на Руси?

– У Брянска.

– Там остался дом?

– Нет, ничего не осталось. Мы жили рядом с городом в небольшой деревне, землю у боярина взяли. Хорошую землю. Урожай должен был быть богатым, думали в город переехать. Муж был мастером на все руки. Мог и коня подковать, и телегу справить, и сруб сложить. Лошадь была. Мы на поле были, когда налетели татары. Ну, и всех схватили. Поначалу в поле, потом в деревне. Все разграбили, хаты пожгли. Мужики не успели собраться, дать отпор, неожиданно налетели басурмане, похватали, что смогли, и погнали нас к Перекопу.

– А что местный полк?

– Тот в городе закрылся, ратники на стены вышли. Татары не только на нашу деревню налетели, они повсюду были. Так что защищаться сами мы не могли и защищать нас было некому.

– Понятно. Значит, в Брянске делать вам нечего?

– Ну, разве что в услужение к боярину какому проситься. Так лучше к тебе. Возьмешь?

– Поглядим. Надо еще отсюда выбраться. Но на Москву вас доставят, а там... там, как бог даст. Устроились-то ничего?

– Хорошо. Помылись, поели. Помолились. Местные татары к нам дружелюбно относятся. Оказывается, есть и такие в этой проклятой Кафе.

– Везде, у любого народа есть хорошие люди. Ладно, поговорили, пойду я. А ты ничего не бойся, здесь вас с сыном никто не тронет, даже если я уеду.

– А ты можешь уехать?

– Да. Забери сына, да идите в хату. Намаялись, отдохните.

– Я работать на хозяйку могу.

– И без этого обойдешься. Набирайся сил. Они потребуются для возвращения домой.

– Я так тебе благодарна!

– Господа благодари за то, что встретились... Спокойной ночи.

– Спокойной... Михайло.

Алена позвала сына. Тот тут же подбежал, схватился за юбку матери. Может, когда-нибудь узнает, какой беды избежал. Бордак же прошел в большую комнату, куда жена Ризвана Ирада подала жареное мясо с зеленью, лепешками и чаем. Михайло помолился, поел. Приехал Курбан, Бордак отдал ему серебро. Проводив гонца мурзы, ушел к себе в комнату и лег на матрац у окна. В Кафе ныне и ночью было жарко. Укрываться не стал. Приложил голову к подушке и сразу уснул.

Рано утром следующего дня, как только забрезжили утренние сумерки, мурза Азат в сопровождении десятка нукеров на крепком скакуне двинулся из Кафы в Бахчисарай. Мурза любил верховую езду, но одно дело – прогуливаться в окрестностях Кафы, выезжать на склоны отрогов горного хребта Тапе-Оба к морю, и совсем другое – длительный переход. Поэтому

в обозе Азата шли две повозки. Одна – для мурзы, богато отделанная, двуосная, вторая больше похожа на телегу с закрытым верхом для отдыха всадников. Дорога проходила по степи, под палящим солнцем. Но татары привыкли к таким дорогам, и обоз шел довольно быстро. Притомившись за несколько часов верховой езды, Азат пересел в повозку. Там расстегнул рубаху, снял головной убор, скинул обувь, развалившись на мягком сиденье – обложенной подушками скамье со спинкой. Эту повозку доставили из Казани в 1552 году. В год, когда войско Ивана Грозного все же взяло Казань и присоединило к Руси Казанское, а затем и Астраханское ханства. Осталось от Золотой Орды, когда-то могущественной, наводившей страх и ужас не только на русские земли, но и на государства Запада, Крымское ханство, но оно полностью зависело от Высокой Порты.

История Крыма многообразна. Еще в конце I века на полуостров пришли римляне. Поднятые ими города-крепости часто подвергались набегам кочевников. Создавались пещерные крепости, пещерные монастыри, они были более недоступны для чужаков и тюрков. В IX веке Византия возвратила свое влияние. Стали набирать силу христианские княжества, такие, как княжество Феодоро в Мангупе и Кырк-Орское княжество. Но полуостров давно интересовал турок. Предпринятая Османской империей военная интервенция привела к вассальной зависимости Крымского ханства, хотя еще в XV веке крымский Юрт значительно обособился от Золотой Орды, и к середине века золотоордынский период был полностью завершен. Хаджи I Гирей объявил себя властелином Крыма. Ненадолго. Уже в 1475 году Крым фактически вошел в состав турецких владений. Не прошло и трех лет, как вассальное положение было официально закреплено. Пока еще прямого назначения хана султаном не было, но все вельможи Крыма знали, что если Константинополю придется не по душе какой-то претендент, то не быть ему на троне Бахчисарайского дворца. А что будет дальше? Ханство большей частью существовало не сельским хозяйством, не скотоводством, не мореходством, свой доход крымчане получали в основном за счет торговли рабами. А где взять невольников? Нашествия на окраинные земли и Литву нужных результатов не давали. И только Русь до сих пор являлась главным, если можно так выразиться, поставщиком рабов. Ну, и народы, присоединившиеся к ним. И все бы было как всегда, однако к власти на Москве пришел царь Грозный. Он не стал терпеть набеги казанцев, ногайцев, татар. Собрал войско, провел разведку и сделал то, чего от него никто не ожидал: используя крепость на берегу Свияги Ивангород, получившей позже название Свияжск, царь осадил и взял Казань. Присоединение Астрахани оставалось делом времени. Так и вышло. Хан Девлет-Гирей вместе с турецкими янычарами пытался оказать помощь соседям, но не вышло. Русская рать после реформ первого русского царя представляла собой грозную силу. Многие опытные мурзы, на себе испытавшие силу войска русского, отмечали, что армия царя Ивана сильно изменилась. Резко возросла дисциплина, несравненно лучшим было управление войсками в ходе любых сражений, будь то наступление или оборона. Указывалось на серьезное увеличение артиллерии – нарядов, подготовленность разведывательных отрядов – ертаулов, а главное, на незаурядные полководческие способности самого царя русского. Успехи Ивана Грозного в Ливонии впечатляли. Оттого к крымскому хану потянулись посольства из Речи Посполитой, Швеции. И Сигизмунд II Август, и Юхан III остро нуждались в поддержке ханства против усиления Руси. В этом же был кровно заинтересован и султан Высокой Порты, Селим II. Прибытие в Бахчисарай его личного представителя говорило о многом. О чем конкретно, станет ясно на малом диване, но сердце подсказывало: турецкий вельможа плыл через Черное море не для того, чтобы посмотреть, как правит в Крыму хан Девлет-Гирей.

Мурза вздохнул. Что-то будет? Предположений много, ответа нет. И не может быть. Все прояснится в Бахчисарае.

Обоз продолжал пылить по безбрежной степи.

В первый день отряд Азата преодолел путь в девяносто верст и уже глубокой ночью встал на отдых в небольшом ауле, чтобы с рассветом продолжить путь. Нукеры держались достойно,

им хватило нескольких часов на отдых, коней сменили. В этом ауле мурза держал свой табун. Как раз для таких случаев – срочных выездов по вызову хана. Посему уже к обеду четверга отряд вошел в Бахчисарай и остановился на окраине города у родственника мурзы Галима, местного князька.

В это же время крымский хан встречал во дворе своего дворца турецкое посольство, которое возглавлял приближенный к султану человек Карбали-паша. В Порте ходили слухи, что никто из вельмож не имел такого приятия у Селима, как Карбали-паша.

Встретив высокого гостя, хан провел его во дворец, где был дан праздничный обед. После обильного кушанья вельможи вышли в придворный сад и устроились в небольшой беседке, из которой был хорошо виден дворцовый луг, где паслись ханские табуны, и на крутом правом берегу реки Чурук-Су – город.

– Хорошие у тебя кони, хан, – оценил скакунов Карбали-паша.

– Да. Отборные, их доставляют отовсюду. Вижу, тебе понравился молодой белый жеребец, ты не сводишь с него глаз.

– Ты верно заметил, хан, добрый конь, – рассмеялся Карбали.

– Он твой.

– Благодарю. Не забуду такого подарка.

– Его отловят и приведут к старшему нукеру твоей охраны.

– Хорошо.

– А теперь, может, поговорим о деле?

– Да, хан. Дело, впрочем, тебе известное. Ты прекрасно понимаешь, что дальнейшее усиление русских недопустимо. Они и так набрали силу немалую, захватили Ливонию, не говоря уже о Казани и Астрахани. Царь Иван наглеет, разве раньше можно было подумать о том, что русские придут в Крым? А ведь пришли на твои земли.

– Ты напоминаешь мне пятьдесят девятый год, когда русские под предводительством воеводы Даниила Адашева ворвались в Крым?

– Именно, хан, ведь тогда русские впервые хозяйничали здесь, освободили русских и литовских невольников, захватили твоих подданных, разгромили множество твоих отрядов.

– Ты еще напомни мне пятьдесят пятый год и Судбищенскую битву, в которой пали мои сыновья Ахмед-Гирей и Хаджи-Гирей, – побагровев, процедил хан.

– Они погибли как герои.

– Мне от этого не легче. Но мне тоже есть чем ответить тебе и султану. В прошлом году пятидесятитысячное войско еще одного моего сына, царевича Мехмед-Гирея, опустошило рязанские земли, а следом и окрестности Каширы.

– Однако и тогда русские сильно потрепали твое войско. Дружины опричного князя Дмитрия Хворостинина, не так ли?

– Мы будем вспоминать, что было, или говорить о том, что должно быть сейчас или в ближайшем будущем? – недовольно взглянул хан на посланника султана.

– Мы не будем больше вспоминать прошлое. Султан Высокой Порты Селим II желает, чтобы ты к весне следующего года собрал большое войско и начал поход против Руси. Покуда основные силы Ивана Грозного находятся в Ливонии.

– Поход на Москву? – озабоченно спросил хан.

– Об этом просит Сигизмунд, но султан и сам понимает, что на оборону Москвы царь Иван не мог не оставить сильной рати, посему, если удастся набег на Козельск, Рязань, то уже это будет хорошо. И тебе выгодно, король Сигизмунд обещал прислать подарки, а поход сулит много невольников, десятки тысяч новых рабов.

– Это если поход закончится удачно.

– Султан считает, что сейчас для этого самые благоприятные условия.

– Так это его повеление или пожелание?

– А разве повеление и пожелание султана не одно и то же? Конечно, ты можешь отказать, но долго ли пробудешь на троне? Селим II, и тебе это прекрасно известно, может подобрать и более сговорчивого и послушного вассала.

– Ты хочешь оскорбить меня? Угрожаешь?

– Ну что ты, хан! – поднял ладони Карбали-паша. – Я по-дружески предупреждаю тебя. Не следует ссориться с султаном. С Селимом надо дружить. Это гораздо выгоднее. Ты назначил на сегодня малый диван?

– Да.

– Хорошо. Я должен присутствовать на нем. Но тайно. Это возможно?

– Возможно. Над входом в зал дивана есть балкон, один из двух, из зала он не виден, а с него видно и слышно все.

– Очень хорошо. На какое время ты назначил совет?

– Сразу после вечерней молитвы Магриб.

– Хорошее время.

– После дивана праздничный ужин.

Сразу после вечернего намаза особо приближенные вельможи Крымского ханства собрались в зале диванов на малый совет. Присутствовало всего десять человек, которым безгранично доверял Девлет-Гирей. Стены зала были украшены разноцветными узорами, пол из мрамора, на потолке большие люстры. Прямо в середине зала – трон хана, украшенный сукном с позолотой, рядом табуреты для калги и нурэддина (ханских наследников). Бьющий фонтан создавал атмосферу уюта и непоколебимости власти, а также приносил прохладу. Вдоль стен размещались диваны, оттого и государственный совет при хане, и сам зал получил это название. Здесь соблюдалась особая церемония входа вельмож. Ее очередность определял специальный человек – капыджи-баши. Первым, естественно, в зал входил хан с наследниками, далее муфтий, беки, знатные мурзы. Они подходили к трону, поклонившись приветствовали хана, выражая ему наивысшую степень почета, и рассаживались по диванам. Все приглашенные на малый совет прекрасно знали о нахождении во дворце посланника Османского султана Селима II и не сомневались, что он, если не присутствует на диване, то следит за ним с одного из двух скрытых балконов.

Хан начал совет с восхваления ханства, вельмож, воинства храброго, как и принято на Востоке, после чего перешел к главной теме. Он довел до вельмож пожелание султана Селима выступить в поход на Русь весной следующего года, добавив, что и само ханство остро нуждается в рабах. Бей и мурзы внимательно слушали. Настала очередь высказаться каждому.

Ильдус-бей предложил немедленно потребовать от русского царя восстановления независимости Казанского и Астраханского ханств, на что русский государь, естественно, не пойдет, и это станет формальным поводом для нашествия. Его сосед после предложения затребовал еще и выплату дани Крымскому ханству. Эти предложения были приняты. Один из мурз высказался за то, чтобы еще до весны ожидаемого года, нынешней осенью, начать беспокоить русские земли, что может повлиять на решение царя Ивана Васильевича. Данное высказывание члена дивана воспринялось с сарказмом, зная твердость русского правителя, но, желая угодить Порте, приняли и это предложение. Диван принял все, что на нем предлагалось. А главное – собрать к весне 1571 года войско численностью не менее шестидесяти тысяч воинов и с ним под руководством Девлет-Гирея идти, имея основной задачей разграбление земель у Козельска, Рязани, Тулы, других городов, разработать подробный план действий на утверждение большого совета.

Малый диван заседал менее двух часов, после чего для вельмож был дан пир. На нем присутствовали наследники ханского престола, а сам Девлет-Гирей прошел в свои палаты, точ-

нее в небольшую залу, где принимал обычно турецких послов. Его там уже ожидал посланник Селима II.

– Как прошел диван, Карбали-паша? – поинтересовался хан.

– Хорошо, – ответил представитель Порты. – Больше всего мне понравилось единодушие твоих ближних вельмож, понимание требуемого. Я расскажу султану обо всем. Уверен, он будет доволен.

– Но одного довольства мало. Мне необходима поддержка в подготовке похода.

– Ты говоришь о деньгах?

– Да.

– А разве крымский хан не в состоянии оплатить сбор войска, которое в дальнейшем принесет ему огромную прибыль?

– Но надо собрать большое войско.

– Не говори, хан, о деньгах, не разочаровывай меня.

– Ну, тогда пусть султан даст хоть десяток тысяч своих янычар.

– После того как ты поступил у Астрахани, султан вряд ли даст тебе кого-либо, – погладил свою бородку Карбали-паша. – Этот поход в какой-то мере должен искупить твою вину за гибель наших отборных воинов. Или ты забыл, что произошло у Астрахани?

– Я ничего не забыл. И ни в чем не виноват.

– Так думаешь ты, в Константинополе мыслят иначе. Но... давай закончим этот разговор.

День прошел удачно, не надо портить вечер.

– Тогда, может, посмотрим наложниц?

– А вот это с удовольствием, – оживился Карбали-паша. – Надеюсь, ты знаешь, что я люблю девочек не старше четырнадцати лет.

– Это мне известно.

Хан трижды хлопнул в ладоши, и в зале тут же появился слуга.

– Наложниц в покои паши, – приказал Девлет-Гирей.

– Слушаюсь, господин, – низко поклонился слуга и попятился к двери.

Хан и посланник султана прошли в покои гостя.

Туда же доставили пятерых девочек в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет.

Были среди них и русские, и литовки, и татарки.

Девлет-Гирей указал на наложниц, в глазах которых стояли слезы:

– Это лучшие, мой друг, выбирай.

Карбали-паша обошел наложниц, осматривая их, как невольниц на рынке, и, крякнув, вытолкнул вперед светловолосую с длинной косой:

– Эта!

Хан приказал остальным выйти из покоев, что наложницы сделали быстро и радостно.

На этот раз их обошла участь быть изнасилованными старым, бородатым турком.

– Кто ты? – спросил Карбали у оставшейся девочки.

– Зина.

– Зина? Откуда?

– Из Новгорода.

– Эту девицу мне купец местный подарил, а взял ее в Новгороде нищенкой. Нашел где-то подыхающей от голода. Она сирота. Но хороша, вкус у тебя отменный, – объяснил хан.

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Ты девственница?

– У меня еще не было мужчины.

Физиономия Карбали расплылась в похотливой ухмылке:

– Хорошо. Очень хорошо. Сегодня ты узнаешь, что такое стать женщиной.

Девочка заплакала. Карбали, влепив ей пощечину, произнес:

– Ты должна выражать радость, а не скорбь, девка. Встань. Увижу еще раз слезы, отстегаю плетью.

Наложница поднялась, вытерла слезы:

– Извините, я больше не буду.

Несмотря на свои двенадцать лет, Зина уже оформилась. Довольно крупная для ее лет упругая грудь, в меру полные ноги, круглая попка, на что больше всего обратил внимание паша.

– Помыть ее и в спальню, – повернулся он к хану.

– Румяна?

– Не надо. Она и без того красива.

Карбали взглянул на девочку:

– Теперь ты не Зина, а Зия – свет. Поняла?

– Да, господин.

Хан вызвал служанку, и та увела наложницу.

– Остальные тоже пусть будут рядом, – сказал паша Девлет-Гирею. – Если не понравится эта Зия, чтобы заменить.

– Да, конечно, но уверен, что русская девочка доставит тебе удовольствие.

– Откуда тебе знать, хан, она же девственница, а значит, ты не спал с ней.

– Разве нельзя иметь баб, не посягая на девственность? – усмехнулся тот.

– Вот ты о чем. Ну и как она?

– О, это что-то восхитительное!

– Зачем ты дал мне девку, которую сам имел?

– Я мог ничего и не говорить. А сказал, чтобы ты не сомневался, тебя ждет незабываемая ночь.

– Ладно. Если она мне понравится...

– То ты получишь ее в подарок, – не дал договорить турецкому вельможе хан.

– Хорошо, но, может, те, что ушли, лучше ее?

– Нет. Однако вкус у всех разный. Я дарю тебе всех девиц, что приводили сюда.

– Султан узнает о твоём почитании Порты и образцовом правлении, – изобразил улыбку

Карбали.

– Благодарю. Не буду мешать, девицу уже, наверное, провели в спальню. Сильных тебе ощущений.

– На этот раз благодарю я.

Девлет-Гирей покинул покои, отведенные турецкому вельможе, и прошел в свой гарем, где его ждала не менее очаровательная молодая жена.

Карбали отправился в спальню. Зина уже находилась там.

Утром ее, избитую, окровавленную, вынесли из спальни паши и отдали лекарям, с наказом хана привести девочку в порядок.

После праздничной пятничной молитвы и торжественного обеда во дворце хана вельможи отправились по своим домам. Начали сборы слуги Карбали-паши, им была выделена дополнительная арба для подарков хана, в том числе и наложниц, среди которых была и Зина. Никого не волновало, что она даже встать не может, положили в арбу, и все.

Вслед за обозом из Бахчисарая выехал и Азат. На обратную дорогу в Кафу ему потребовалось больше времени. Попав в канаву, сломал ногу конь старшего отряда нукеров. Ему перерезали горло, разделали и сложили мясо в мешки. Старший забрал коня подчиненного, а тот перешел в арбу обоза. На все потеряли часа три, поэтому в Карасубазар, селение промежуточной остановки для отдыха, обоз въехал в час ночи. Остановились в лучшем караван-сараяе, где имелось все для полноценного отдыха, включая баню и чайхану, а также выкупленные мурзой покои отдельного здания.

Помолившись после первого этапа пути и отужинав, мурза с охраной, не выставленной на посты, легли спать в три часа ночи. А так как Азат поспать любил, обоз возобновил движение только после обеденной молитвы и обеда. Соответственно, в Кафу он прибыл к полуночи воскресенья.

В тот день Бордак так и не дождался человека мурзы, промаявшись весь вечер.

Курбан объявился в понедельник утром. Въехал на подворье Ризвана спустя час после утреннего намаза. Во дворе спешился, потянулся. Для него ночь выдалась тяжелой.

– Салам, Курбан! – подошел к нему Бордак.

– Салам, Михайло!

– Коли ты появился, то сие означает, что и мурза в городе?

– Да, ночью приехали. Я спал всего два часа.

– Ничего, выспишься. Что просил передать мурза?

– Чтобы ты под видом литовского купца приехал к нему после предвечерней молитвы.

– Есть что-то важное?

– О том мурза мне не докладывает, – пожал плечами Курбан.

В это время во двор вышли Алена и ее сын. Сейчас они выглядели гораздо лучше, чем на невольничьем рынке. Да это и понятно, свобода преобразует человека.

Курбан подмигнул Бордаку:

– Ставлю сотню акче, что ты положил глаз на выкупленную невольницу...

– Можешь сразу выложить деньги, – прервал татарина Бордак.

– А что? Не так?

– Не так!

– Не верю. Ты один, она одна, всем тебе обязанная, сын еще мал, чтобы что-то понимать в этих делах. И вы не милуетесь тайком?

– Нет. Так что давай мои деньги.

– А ты докажи, что не милуетесь.

– Как?

– Не можешь? Значит, спор не выиграл. Но и не проиграл. Никто никому ничего не должен.

– Ну, и хитер же ты, Курбан!

– А как иначе прожить? Простые да бесхитростные, слабые, доверчивые – все в кандалах на рынке невольников, а хитрые, коварные продают и покупают их. – Курбан вдруг улыбнулся и добавил: – Хотя ты тоже хитрый. Купил же себе рабыню с маленьким рабом. – Но тут же отступил в сторону, чтобы не попасть под увесистый кулак «литовского торговца». – Шутка, Михайло, шутка! Значит, после предвечерней молитвы в доме мурзы. Поехал я. Спать хочу, сил нет.

– Спокойного тебе сна.

– Угу!

Курбан вскочил на коня и скрылся в улочках Кафы.

А к Бордаку поспешила взволнованная Алена.

– Извини, Михайло, татарин, что приезжал, говорил обо мне?

– Нет.

– Но он так смотрел на нас с Петей, что я подумала...

– Ты испугалась, что он хочет купить вас?

– Да, извини, но здесь я чувствую себя товаром. Как ни пытаюсь отогнать это чувство, не получается.

– Это объяснимо, Алена, но поверь мне, ты в безопасности, как и твой сын, а приезжал не торговец, это наш друг.

– Здесь, в Кафе, и друг? – удивилась она.

– Не все местные одобряют работорговлю и не все стоят за хана. Но тебе об этом знать не след, занимайся своими делами.

– Тогда я пойду помогу Ираде.

– Да, но и за сыном смотри, чтобы на улицу не выскочил. Вот это не безопасно.

– Он всегда при мне.

– Ну и хорошо.

Со стороны сада появился Осип Тугай из окружения русского посла в ханстве, окольного Афанасия Федоровича Нагого. Он поприветствовал Бордака, и они присели на небольшой топчан, где после трапез отдыхал хозяин усадьбы. Устроившись вдали от посторонних глаз, Тугай спросил:

– Что с мурзой, Михайло?

– Он вернулся, через Курбана передал, что Азат будет ждать меня у себя дома после предвечернего намаза.

– Значит, у него есть новости для нас.

– Иначе не приглашал бы, передал бы через Курбана, что ничего нет, и все.

– Интересно, что за новости.

– Узнаем.

– А ты уверен, Михайло, что мурза Азат не водит нас за нос?

– Считаешь, он ведет двойную игру?

– Так считает, вернее, допускает Афанасий Федорович.

– Кто его знает, Осип, – пожал плечами Бордак. – Но до сих пор мы получали от него достоверные данные.

– Все так, но ты знаешь этих басурман. Сегодня он показывает, что друг, а завтра окажется злостным врагом. У них это просто.

– А что, Осип, мы можем изменить? Другого вельможи, что встал бы на нашу сторону, нет.

– Сколько он запросил за свою работу?

– Десять тысяч акче.

– Не сказать, что и много.

– Немного?! За эти деньги можно два десятка хороших коней купить!

– Да, но выкупить только одного невольника.

– Это так, но купить на рынке не менее четырех десятков можно. Я заплатил еще до отъезда мурзы в Бахчисарай, у меня осталось всего пятнадцать тысяч.

– Афанасий Федорович пополнит твою казну, – улыбнулся Тугай.

– Когда?

– Слушай сюда. Окольный уехал с утра в Сююр-Таш, где подворье послов, в нашу усадьбу. Как только поговоришь с Азатом, вернись сюда и уже отсюда задами выезжай в аул. Там тебя встретит Нагой.

– А пошто он подался в Сююр-Таш? У нас и здесь посольское подворье есть.

– Ну, этого не знаю. Думаю, у него там встреча с каким-нибудь иноземцем. Сам ведаешь, ныне, когда Иван Васильевич покорил Ливонию, во многих государствах суэта началась.

– Ладно. В Сююр-Таш так в Сююр-Таш, – вздохнул Бордак. – Далековато, сто тридцать верст с лишним по горячей степи.

– Туда дорога есть.

– Где полно глаз и ушей хана.

– Тоже верно.

– Ты сам в ауле будешь?

– Должен, но это как Афанасий Федорович решит.

– Еще не решил?

- Гонца от него не было. Может, будет, как вернусь на подворье. А что? Я тебе нужен?
- Возможно, будешь нужен.
- Разберемся, Михайло. Помогу, коли что. Так, я все передал, поехал.
- А пошто задами-то? Место здесь глухое. Соседи особо не интересуются жизнью друга.

друга.

- Как велено, так и делаю.
- Ну, тогда удачи, Осип!
- Увидимся. Привет от меня Ризвану.
- Передам. Проводить?
- Не надо. Да и конь недалеко. Давай, Михайло!
- Давай!

Помощник русского посла в Крымском ханстве ушел через сад к задам города.

Вскоре Бордак услышал удаляющийся топот копыт коня Осипа. Тот рысью повел скакуна в центр.

День прошел незаметно.

Как только тени от предметов стали становиться больше самих предметов, Бордак оделся в костюм литовского торговца, оседлал коня и поехал к крепости.

Во дворе мурзы его встретил Курбан.

- Ты вовремя. Как раз господин только покушал.
- А я думал, он угостит меня ужином, – улыбнулся Бордак.
- Может, и угостит, у него хорошее настроение.
- Что, новых наложниц подвезли?

– Нет, просто хорошее настроение, может, оттого, что успел кальян покурить. Османы привезли отборную индийскую коноплю.

- Но он в состоянии вести серьезный разговор?
- Азат всегда в состоянии заниматься делами.
- Ну, что ж, веди тогда к своему господину.

Курбан провел русского посланца в большую комнату, где на подушках, уложенных на цветастом ковре, восседал Азат.

- Приветствую тебя, мурза, – сказал, поклонившись, Бордак.
- Салам, Михайло, проходи, устраивайся рядом, сейчас чай со сладостями принесут.

Надеюсь, ты не голоден?

- Нет, а чаю выпью с удовольствием. У тебя хороший чай.
- У меня все хорошее, настоящее, дорогое.
- Это так, – улыбнулся Бордак, устраиваясь напротив мурзы. – Есть что-нибудь интересное?

ное?

- Есть, Михайло, есть.
- Ну и о чем был разговор на диване в Бахчисарае?

Мурза передал все, чему был свидетелем в ханском дворце.

- Значит, нашествие, – с задумчивым видом проговорил Бордак.
- Да. Весной следующего года, но не забывай, что отряды хана начнут беспокоить ваши сторожевые заставы еще осенью, выискивая слабые места в охране границ.
- Не забуду. Орда Девлет-Гирея пойдет, как и прежде, Муравским шляхом?
- Да. Это удобнее всего.
- И хан желает разорить земли до Козельска?
- Козельском хан не ограничится, ведь рядом густонаселенные земли Тулы, Рязани,

Калуги.

– Получается, что Девлет-Гирей намерен опустошить земли с юга и юго-востока от Москвы, на Москву же идти не собирается. Пошто?

– То мне неизвестно. Но и гарантий дать, что хан не повернет на Москву, не могу. До похода еще довольно много времени, план вполне может быть изменен. Хотя вряд ли Девлет-Гирей решится на взятие Москвы.

– Это только твое мнение или и других вельмож?

– Я, Михайло, всегда говорю только от себя.

– Ясно. Но если что-то изменится в планах хана, ты сообщишь?

– Конечно. И каждое новое сообщение, заслуживающее внимания, будет стоить уже двадцать тысяч акче.

– Не дорого ли?

– Гораздо дешевле того, что возьмет на Руси хан, если застанет русского царя и его рать врасплох.

– Хорошо. У тебя все?

– Да.

– Тогда я поехал.

– А зачем ты приезжал ко мне? – ухмыльнулся мурза.

– На переговоры о покупке невольников, что ты держишь в Кезлеве (нынешняя Евпатория), которых приобрел очень дешево, – поняв мурзу, ответил Бордак.

– У меня в Кезлеве нет невольников, а вот шелк из Персии есть. Очень хороший шелк. И ковры, славящиеся на весь мир, есть. Вот договариваться о покупке этого товара ты и приезжал ко мне. Но надеюсь, что ты сумеешь избежать встречи с городской стражей.

– Я все понял. До свидания, Азат!

– Да хранит тебя Всевышний!

Бордак покинул усадьбу мурзы, вернулся на подворье Ризвана. Переодевшись, выехал на пустую дорогу и повел коня к выезду из Кафы в сторону аула Сююр-Таш, лежавшего в ущелье северо-западных склонов второй гряды Крымских гор.

Глава вторая

Дорога от Кафы через Бахчисарай до аула Сююр-Таш заняла более двух суток. В первый вечер Бордак прошел двадцать верст по степи до небольшого озера. Он отклонился от дороги, которой пользовались местные жители, на несколько верст, посему до сих пор никого не встретил, не считая чабанов, пасших овец вдали и недалеко от кошар. С западной стороны озера раскинулась редкая роща, где более произрастал кустарник. Солнце уже ушло за горизонт, начало стремительно темнеть. В роще никого не было, Михайло до темноты успел проверить. Он стреножил коня на елани, рядом у старой сосны устроил себе ложе из веток и травы, помоллся, отужинал куском лепешки и баранины и, накрывшись накидкой, уснул. С шести утра он уже был на ногах и продолжил путь. К вечеру дошел до каменистой гряды, из-за которой был хорошо виден татарский аул. В селение заходить не следовало, устроился на отдых у гряды. И только перед обедом, когда солнце подходило к зениту, он въехал в большой аул Сююр-Таш. В селе обитала община гемуэзцев, вынужденная бежать из Кафы, когда туда вошли турки. Они поставили свой католический храм во имя Святого Иоанна, который был виден издали. Само же селение удобно располагалось в ущелье, окруженное известковыми скалами. Отсюда и название Сююр-Таш – Острый Камень.

Русское посольское подворье размещалось недалеко от храма у возвышенности, переходящей в район крупных, где-то отвесных скал. Объехав храм, пройдя по узкой улочке саженной сто, Бордак остановил коня у массивных ворот каменной ограды, за которой были видны только деревья и верхушки высокого кустарника. На воротах железное кольцо. Им посланник трижды ударил в ограду. Скрипнула калитка, появился бородатый мужчина в одежде стрельца, но без бердыша и пищали, на боку сабля. Внимание сразу привлекли его ладони, непомерно широкие, крепкие. Впрочем, и сам мужик, которого доселе Бордак здесь не видел, выглядел внушительно. Коли такой сожмет кулаки да вдарит, то и никакой сабли не надо, битый и от кулака Богу душу отдаст.

– Приветствую, путник, – приветливо улыбнулся мужик. – Кто такой, пошто приехал? Зрю, из нашенских ты, вот тока лик литвина без бороды.

– И тебе доброго здравия, добрый человек, – ответил Бордак. – Я тот, кому окольный Нагой повелел явиться сюда. А пошто, так это у посла и спроси.

– Звать тебя как, путник?

– Михайло Бордак.

– Угу. Щас.

Мужик повернулся, крикнул во двор:

– Федот! Подь сюды, глянь на гостя!

Тот подошел и сразу узнал посланника:

– А, Михайло? Долгих лет! Как житуха-бытуха в краях этих проклятых?

– Приветствую, Федот. Житуха-бытуха такая же, как и у тебя. Не лучше и не хуже.

– Ну, и слава богу, что хоть так. Отворяй, Богдан, ворота, этого человека я знаю. Посол ждет его.

Мужчина отворил створку ворот, и Бордак въехал во внутренний двор, соскочил с коня, снял сумку.

Тут же подбежал служка посла русского, поклонился, взял коня под уздцы и повел к конюшне.

На верхнем крыльце появился помощник посла, дьяк Петр Петрович Агапов:

– Михайло? Мы тебя с утра ждали.

– А я вот только сейчас приехал. Дорога дальняя, да все степью, в объезд кошар, оттого и задержался малость. Хотя мне не давали точные указания насчет срока прибытия.

– А, ладно. Афанасий Федорович ожидает.
– Ты мне, Петр Петрович, ответствуй, – идя к лестнице, обратился к дьяку Бордак, – Осип Тугай должен подъехать?
– Должен, либо к вечеру, либо завтра поутру. А чего интересуешься?
– А так. Дело к нему есть, но тебя, Петр Петрович, оно не касается, уж извиняй.
– Секретов у посланника московского от людей посольских на чужбине быть не должно, – усмехнулся дьяк.

– А чего ты ухмыляешься, Петр Петрович?
– Ничего. Ведомо мне про дела ваши. Но только мне, послу, если пожелаешь, поведаешь о них сам.

– Во как? И откель то знание?
– А вот то уже мое дело, но ладно, будет Осип, коли в пути ничего не случится.
– Что может случиться?
– Всякое. Тут надьсь из посольства Польского гонец в Бахчисарай поехал. И дороги нет ничего, всего десять верст, а не доехал. Нашли тело изрубленное да голое в подбельнике служивые люди.

– Кто же его?
– То не ведомо. Но повсюду лихих людей хватает. Вот и поляк попал под разбойников. Как говорится, обобрали до нитки и порубили.

– Ну, с Осипом не так просто справиться, и воин он опытный, засаду почует, обойдет.
– Тут спору нет. Ты, поди, проголодался?
– Да поел бы, а то с вечера кусок лепешки во рту и был.
– Ты иди к послу, а я распоряджусь. И щей наваристых выставят, и курицу вареную, а там и винца, глядишь, не грешно будет испить. У нас вино хорошее.

– Конечно, посольство же, с иноземцами якшается.
– Ты ступай, Михайло, ступай, не след заставлять посла ждать.
Бордак прошел через сени в горницу.

Окольничий Нагой сидел на лавке, покрытой ковром, перед столом, застеленным скатертью. Скамьи вдоль стен, кроме той части, что служила стеной печи. Стол на половину комнаты, табуреты. Оконце завешано цветастой занавеской. В красном углу иконостас, хотя в хоромах имелась и домашняя церковь. Михайло перекрестился на образа, приложил руку к груди и поклонился:

– Доброго здравия, Афанасий Федорович!
– И тебе доброго здравия, Михайло Алексеич! Как добрался?
– Благодарствую, слава богу, добрался.
– Добре. Садись на лавку, разговор нам предстоит серьезный. А потом, помолившись, и потрапезничаем. Ведаю, что голоден, однако дело наперед.

– Да, Афанасий Федорович.
Михайло поведал русскому послу о состоявшемся в Бахчисарае малом диване, о присутствии на нем представителя Высокой Порты и обо всем, что удалось узнать мурзе Азату.

Нагой выслушал внимательно. После чего встал, повернулся к оконцу и, сдвинув занавеску, произнес:

– Значит, Порта требует нашествия орды Девлет-Гирея на наши земли?
– Из слов мурзы то и следует. Однако крымский хан осторожничает, в его планах опустошение земель Козельска, возможно, Рязани и Тулы. О походе на Москву разговора меж ханом и пашой не было.

– Оно и то вельми плохо. Не дают крымчаки нам спокойной жизни. И бивали их не раз, а все одно лезут, как голодные крысы в погреб со снадобьем. Пора бы покончить с ними, как то было сделано с Казанью и Астраханью.

– Так-то оно так, Афанасий Федорович, – кивнул Бордак, – да сил у нас захватить Крым нет.

– Да, основные силы войска русского государь Иван Васильевич держит в Ливонии, оттого и крымчаки осмелели, – согласился Нагой. – Но Девлет-Гирей должен разуместь, что царь может снять часть войск из крепостей и направить их напрямик к Перекопу. И тогда хан попадет в ловушку.

– Я слышал, между Девлет-Гиреем и королем Польским Сигизмундом-Августом тайный договор: коли мы снимем гарнизоны с крепостей, то по ним тут же ударят поляки.

– То не беда. Мы вполне можем отдать Нейшлосс, Феллин, еще с десятков крепостей, оставив войска в Ивангороде, Дерпте, Нарве, Полоцке, в важных для нас крепостях. Но то решать не нам, Михайло, то дело государя. Мы должны предупредить царя о грозящей опасности, то и сделаем. Особливо след сообщить о намерениях Девлет-Гирея этой осенью высылать отряды для проверки состояния нашей обороны.

– Кого думаешь отправить на Москву? – спросил Бордак.

– Да хоть тебя. Хотя нет, у тебя дело по наказу государя, Осип Тугай поедет. С ним отряд малый из людей посольского подворья. А тебе что за дело до этого? Или передать государю есть что?

– У меня другая забота, Афанасий Федорович.

– И что за забота, коли не тайна? – удивился Нагой.

– Да какая тайна, боярин?

Бордак поведал об Алене и сыне ее Петруше.

– Понятно, – улыбнулся окольный, – выручил, значит, земляков? То добре. Но с ними хлопот много в дороге, а путь до Москвы долгий, почитай, более тысячи трехсот верст выйдет. Коли Осип шел бы только с отрядом, то, глядишь, за месяц и дошел бы, а если бабу с ребенком брать, то надобно обоз составлять, с ним же быстро не пойдешь, значит, и через полтора месяца могут не добраться. А государю надобно как можно быстрее замысел татар передать.

– Уразумел я тебя, Афанасий Федорович. Ладно, чего-нибудь другое придумаю. Хотя разницы великой в том, узнает ли государь о планах Крыма свершить нападение на Русь весной, в начале сентября или в середине, не вижу. Так же о выходе татарских отрядов осенью. Они наверняка пойдут где-то в октябре, когда день короче станет, а дожди еще не начнутся. Да и что им дожди, они татарам даже на руку. Но... ты здесь голова, ты решаешь. У меня все.

– Да не кипятись ты, Михайло, – покачал головой Нагой. – Твоя правда в том, что месяц или полтора – великой разницы нет. И своим помочь треба. Ты вот что, завтра езжай обратно в Кафу и вези сюда свою женщину с ребятенком. Ране, чем через неделю отряд Тугая на Москву не выйдет, треба еще кое-что прознать в Бахчисарае, так что успеешь. Пусть едут с Тугаем.

– Благодарствую, – кивнул Бордак с просветлевающим лицом.

– Э-э, Михайло, было бы за что.

– Осип Тугай из Кафы прибыл, – заглянув в горницу, сообщил Агапов.

– Добре. Передай, с ним говорить после вечерней трапезы буду, а сейчас пусть стол накрывают.

Бордак вышел из горницы посла, спустился вниз, там сразу же увидел Тугая, подошел к нему.

– Знал бы, что ты следом отправишься, вместе пошли бы сюда. Вдвоем оно веселее.

– Это так, Михайло, но кто знал, когда гонец от Афанасия Федоровича явится, а он в ночь и объявился, когда ты уже уехал.

– Алена с Петрушей как там?

– А чего им? На подворье Ризвана. Алена помогает Ираде, сын рядом. Да и пошто интересуешься, коли уехали мы почти одновременно из Кафы?

– Так спросил.

– Так, молвишь? – пристально посмотрел на Бордака Тугай. – А я мыслю, не так просто. Что, по душе прихлась Алена?

– А коли да, то что?

– Ничего. Хорошая баба, хозяйственная, скромная, за дитем строго смотрит, работу, какая есть, легко делает. Такая в жены в самый раз. Тем боле вдовая. Одной ей с дитем прожить трудно будет, а ты мужик крепкий, с тобой не пропадет. К тому же и сам один.

– Не об том речи ведешь, Осип.

– О том, Михайло, уж мне ли не знать тебя? Но... твои дела, это твои дела. Твою Алену с Петрушей надобно домой отправить. Чужбина есть чужбина, тут свободным никогда не почувствуешь себя.

– О том был разговор с Афанасием Федоровичем.

– И что порешили?

– Узнаешь, Осип, вечером и узнаешь.

– Чего сам не молвишь?

– У нас еще будет время поговорить.

– Надолго тут?

– С рассвета завтра поеду в Кафу, но вернусь.

– Не понял? Чего мотаться туда-сюда?

– И про то узнаешь.

Дьяк Агапов позвал всех в домовую церковь. Там собрались все – от посла Нагого до холопов. Помолились. Потом направились в трапезную, где ожидал обед, но тут уже расселись по отдельности – посол и его помощник с посланниками, стрельцы и прислуга.

Пообедав, разошлись, по старой русской традиции, по покоям на дневной сон.

А как проснулись, уже и вечер подступил.

После ужина Тугай имел разговор с окольничим Нагим. Затем прошел в покои, отведенные Бордаку, и с ходу спросил:

– Чего ж ты, Михайло, не сказал, что Алена с сыном поедет со мной на Москву?

– Хотел сначала убедиться, что посол не изменил решения.

Тугай присел рядом с Бордаком:

– Ну, до Москвы мы твоих Алену и Петрушу довезем, а там куда? Она же вроде как из-под Брянска?

– Нету у нее никого ни в Брянске, ни в селе, ни на Москве. На мое подворье и отвезешь. Там Герасим с женой Марфой пока всем заправляют, хотя и заправлять-то особо нечем, им передай Алену с сыном и мой наказ, чтобы жили, как хозяйева, а Герасим с Марфой помогали всем, чем могут.

– Добре, сделаем. Правильно ты решил. Бабы должны с мужиками жить. И мужики с бабами. Ныне, когда война, одиноких вельми много. Так не должно быть. Да и пошто тебе не венчаться с Аленой? Хотя... – Тугай выставил перед собой ладони: – Молчу, молчу!

Переговорив с гонцом, Бордак лег спать.

На рассвете он покинул селение. На этот раз Михайло не особо жалел молодого скакуна, в то же время и не загонял его. Он знал, как обращаться с конями. На обратную дорогу у него ушло два дня. Даже меньше, потому как в Кафу он въехал, когда муэдзин с минарета созывал правоверных на вечернюю молитву. Вернулся тем же путем, что и выезжал. Подъехал к задам подворья Ризвана, спешился и повел коня через сад. Алена в это время выносила ведро, увидела своего спасителя, вздрогнула от неожиданности и уронила ведро.

– О, господи, Михайло! Испужал до смерти!

Бордак, проводя мимо коня, сказал ей:

– Ты вот что, Алена, как помоюсь да перекушу, поговорим.

– О чем? – встревожилась она.

- Для тебя, да и для меня о хорошем, не волнуйся. Петруша спит, поди?
- Нет еще. Сын Ризвана, Хусам, ему тряпичную игрушку принес, играет у хаты.
- Хусам, говоришь?
- Да, а что?
- Тебе он, поди, тоже подарок сделал?
- Нет, Михайло, с чего ты взял?
- А что? Он молод, ты молода...
- Вот ты о чем, – проговорила, зардевшись, Алена и спросила с укором: – Пошто забижаешь? Если кто и мил мне, то не Хусам. Да и невеста у него есть. По традиции ее еще в детстве Ризван ему подобрал, и скоро должна быть свадьба... Но ты ступай, а то у меня еще дел полно.
- Добре, Алена, и прости, коли обидел.
- Ничто, Михайло.
- Бордак завел коня в конюшню. Там его увидел Ризван:
- О! Михайло? Салам алейкум. Вернулся?
- Салам, Ризван, как видишь.
- Надо Ираде сказать, чтобы ужин приготовила, баню растопила. Устал с дороги? Хотя чего это я? Глупость спросил. Главное, вернулся живым и здоровым, то и яхши.
- Тут как дела? – поинтересовался Бордак.
- Слава Всевышнему, все хорошо.
- Курбан не заглядывал?
- Не было никого.
- Как соседи к Алене относятся?
- Никак не относятся. Она с подворья не выходит. Ведают, конечно, соседи, что у меня русская женщина с ребенком, но знают и то, что твои они.
- Добро. Прилягу я.
- Бордак прилег на топчан, скинув сапоги, и стал наблюдать, как Хусам поит-кормит его коня.
- Ризван! – позвал он хозяина подворья.
- Да. Михайло?
- Спросить кой о чем треба.
- Давай. – Татарин присел на край топчана.
- Слышал, скоро женишь сына? – кивнул Михайло на Хусама.
- Алена сказала?
- Она.
- Да пора, время подошло, взрослый уже.
- А кто невеста? Нет, если не хочешь говорить, я не настаиваю, просто интересно.
- Отчего не сказать? Скажу. Невеста – Гульшен, что означает цветник роз, хорошая девушка. Мы с ее отцом, купцом Наби Алаем, росли в одном ауле. А потом так получилось, что переехали в Кафу, я раньше, он позже. У меня родился сын, у него – две дочери. Вот Гульшен и сосватали. Договорились с Наби осенью свадьбу сыграть.
- А купец этот, с которым желаешь породниться, чем торгует?
- Мыслю, к чему клонишь, – покачал головой Ризван. – Нет, Михайло к живому товару Наби отношения не имеет. А чем торгует? Да всем, чем выгодно. И тканями, и украшениями, и мясом, и пшеницей. У него лавки и тут, и в Кезлеве, и в Бахчисарае, и даже в Ялте. Богатый человек, но не жадный и не злой. Рабов, прямо скажу, держит, покупает тут или в Кезлеве. Однако другие невольники позавидовали бы рабам Наби. Он если берет семью, то не разлучает ее. Так и живут рабы семьями. А как отработают пять лет, отпускает на вольные хлеба.

– Не рабовладелец, а благодетель какой-то, – усмехнулся Бордак. – Впрочем, здесь покуда ничего не изменить, хотя кто знает, что будет с Крымом, коли царь Иван Васильевич устремит на него свой взор.

– Покуда русский царь смотрит только на запад, а на Русь нападают крымчаки, – заметил Ризван.

– Ладно.

Жена Ризвана, Ирада, принесла чай, и Михайло поблагодарил ее:

– Спасибо тебе, женщина, это то, что нужно.

– Баня уже скоро готова будет, кушанья тоже, – довольно улыбнулась она и добавила: – Алена помогает, дюже старается.

– Вы Петрушу не упустите, а то выйдет на улицу да пропадет.

– За этим Алена строго смотрит, сын всегда при ней. А когда надо, я смотрю.

– Спасибо, Ирада.

Бордак помылся в бане, переделся в чистые штаны и рубаху, прошел в летнюю кухню, где Алена выставила разные кушанья. Отужинав и поблагодарив ее, он сказал:

– Пройдемся по саду, поговорим.

– Как пожелаешь, Михайло.

Они вошли в сад и стали медленно прогуливаться меж деревьев.

– Тебе, Алена, след сегодня собраться вместе с Петрушей в дорогу, – начал Бордак.

– Пошто? – напряглась женщина.

– Поедем в Сююр-Таш, это около ста тридцати верст отсюда, недалеко от Бахчисарая.

– Туда-то зачем?

– Там русское посольское подворье. Оттуда ты с Петей отправишься на Москву с посланцем окольничего Афанасия Федоровича Нагого, нашего посла в ханстве.

– О, господи! – выдохнула Алена. – Пошто так неожиданно?!

– Я же обещал вернуть тебя на родину? Вот и держу слово. С конем-то справишься?

– О том заботы нет, но что я на Москве с ребенком делать буду? Пропадем ведь.

– Не пропадете. Осип Тугай, посланник Нагого и мой товарищ, доставит вас на мое подворье, что на Варварке. Оно недалеко от церкви Святой Великомученицы Варвары. Подворье небольшое, я не вельможа и не торговец, но дом крепкий, хозяйство какое-никакое. Покуда там заправляет работник Герасим с женой, приедешь, сама хозяйкой станешь.

– Как же так, хозяйкой? – воскликнула Алена. – Хозяйка в доме – жена. И та под мужем.

– Нет у меня жены, и детей нет.

– Но пошто ты один? – удивленно спросила она.

– Померли моя жена Глафира и сын Володимир. Огненная хворь в могилу свела. Я тоже был на краю могилы, но Господь, видно, не пожелал забирать меня к себе, оклемался. Моих к тому времени уже похоронили, и я на похоронах даже не был. Вот так, Алена. Не хотел говорить, но что уж теперь? Все мы в руках Бога нашего, коли оставил он нам с тобой жизнь, то и треба жить далее. А уж как жить – решать тебе. Ни к чему не неволю, прошу только, будь в доме хозяйкой. Я тебе денег дам, с хозяйством Герасим и жена его, коли треба, подсобят.

– Ты ошаршил меня, Михайло, – потупившись, прошептала Алена и тут же покрылась густым румянцем.

– Я и себя ошаршил... Давай, собирайся. На рассвете тронемся с божьей помощью. Поболе еды возьми, но об этом я Ризвана попрошу, он даст, сколь треба.

– Михайло, а бумагу какую, что я не самозванка, а твоя... твоя прислуга, дашь?

– Ты получишь посольскую грамоту, где будет указано, что выкуплена из рабства татарского, а значит, свободный человек. Ну, а насчет прислуги... Какая же ты прислуга, ты – свободный человек. Да никто и интересоваться не будет. Меня на Варварке знают, ну а коли

возникнут какие трудности или пристанет кто, то пригрози обратиться к думному боярину Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому.

– Ой, это к Малюте Скуратову?

– К нему, – улыбнулся Бордак. – Как только назовешь его имя, все мигом отстанут.

– А ты знаешь Малюту? Слыхала я, палач он у царя.

– Не след верить всему, что говорят люди. Григорий Лукьянович – не палач. Я его знаю. Коли случится что, обращаться к нему не иначе как боярин Григорий Лукьянович, но, мыслю, не дойдет до того. Это так, для тех, кто слишком любопытен.

– Даже и не знаю, смогу ли жить на Москве? Это же такой большой город! Там, в Кремле, сам царь Иван Васильевич сидит на троне. Дума боярская, вельмож всяких много. Боязно мне, Михайло.

– Привыкнешь.

– А ты скоро на Москву вернешься?

– О том не ведаю. Да и ведал бы, молвить не мог. Ты уж не обижайся, служба у меня такая.

– Как я могу на тебя обижаться, Михайло?

– Надо отдохнуть хорошенько, ты соберись и после ужина спать раньше ложись. На рассвете тронемся. Я к Ризвану пройду, договорюсь обо всем насчет коня другого, провизии, воды. В степи источников мало, да и те знать надобно.

– Ох, и боязно мне, кто бы знал.

– Ничто, Алена, потерпи, не то стерпела.

– И не говори, Михайло. Всю жизнь буду за тебя Бога молить. И Петруша, как подрастет, будет.

Они вернулись во двор. Алена забрала у Ирады сына и ушла с ним к себе. А Бордак отправился к Ризвану.

– Мне нужен еще один конь хороший, провизии для двух взрослых и ребенка на трое суток, – обратился он к хозяину подворья.

– С провизией забот нет. Ирада все соберет, а надо будет, и купит, а вот коня хорошего придется у торговцев брать. Хотя у Наби Алая свой табун, у него можно купить.

Бордак достал кошелек, протянул Ризвану пятьсот акче:

– Это на коня, сумы и провизию.

– Много даешь.

– В меру. А еще двести возьми за постой.

– Не возьму, Михайло. За постой не возьму.

– Пошто?

– Кто с гостя деньги берет? Ты – мой гость, твои люди – тоже мои гости. А гостей привечать боле, чем родственников, треба.

– Ну, тогда бери на коня и провизию.

– Я бы тебе из своей конюшни дал, но у меня, сам знаешь, какие кони. Хорошие, однако тебе треба лучше.

– Ты заведи моего коня в конюшню, собери сумы, я у себя буду. На рассвете тронемся в путь, – попросил Бордак.

– Теперь уж не вернешься?

– Да нет, наверное, вернусь, а там только Господь, да окольный Нагой знает.

– Вроде и дел-то у тебя в Кафе не осталось.

– Ты не ведаешь, как появляются дела? Сейчас – нет, через час – полная торба.

– Это так, – вздохнул татарин. – Отдыхай, Михайло, на вечернюю трапезу Хусам подойдет.

– Добро.

Бордак прошел в свою комнату. Сын Ризвана, Хусам, отправился к отцу невесты, купцу Наби Алаю. По местным законам, он до свадьбы не должен был видеть невесту, однако этот закон часто обходили. Молодые люди хотели знать, кого в жены выбрали им отцы, посему находили предлог, чтобы увидеть будущую жену. Ризван придерживался обычаев, традиций и законов, в то же время он и сына понимал. И однажды, как бы случайно, показал ему Гульшен. Девушка очень понравилась Хусаму, и тот теперь сам искал любой повод навестить на подворье Алая, особенно тогда, когда купец уезжал из Кафы по делам. А ныне его отец послал. И Хусам был рад, что можно еще раз увидеть невесту.

На следующий день, как только просветлело, Бордак и Алена с Петрушей на скакунах, увешанных сумами, выехали с подворья Ризвана. Посланника московского и бывших невольников провожали и Ризван, и Ирада, которая привязалась за столь малое время к доброй, работающей и скромной Алене.

Как и прежде, первую остановку сделали в роще у озера и далее ехали степью по проторенной тропе. Никого из тех, что разбойничал в Крыму, слава богу, не встретили и благополучно добрались до Сюр-Таша, посольского подворья.

Несший службу у ворот Федот Резвый радостно встретил приезжих:

– Приветствую тебя, Михайло, приветствую тебя, женщина!

– Алена, – подсказал Бордак.

– Приветствую, Алена!

– Тебя так же, Федот!

– Погодь, открою дверь.

– Скажи поначалу, Осип еще тут?

– Тута, где ж ему быть. Ожидает Афанасия Федоровича. Тот как два дня уехал в Бахчисарай, еще не вернулся. Ныне должен.

Резвый открыл ворота, всадники въехали во двор, спешились, Алена поставила на ноги Петрушу. Он хмуро смотрел на подворье, на грозного стражника.

– Не бойся, Петенька, мы у хороших людей, – погладила его по голове Алена.

– А я и не боюсь, – неожиданно сказал мальчик, что вызвало смех Резвого:

– Смотри, от горшка два вершка, а с норовом. Воин вырастет.

– Поглядим. А Петр Петрович Агапов уехал с боярином?

– Да, он всегда на выезде с ним.

– Как же нам разместиться?

Из дома вышел Тугай, увидел прибывших, улыбнулся:

– Приветствую, Михайло, быстро ты обернулся. Приветствую тебя, женщина, – кивнул он Алене. – Хороша, слов нет. Ведают эти черти работорговцы, кого брать силком на Руси, будь проклято их басурманское племя!

– И тебе привет, Осип!

– О чем задумались, гости дорогие?

– Да вот не ведаю, как и где разместиться. В той комнате, что была отведена мне, всем неудобно, да и не по традициям это...

– Эка забота. Афанасий Федорович обо всем обеспокоился. Пойдем, покажу палаты для Алены и сына. А после в баню, с дороги помыться и трапезничать.

– Значит, обеспокоился посол, не забыл?

– Он, Михайло, никогда ничего не забывает, иначе Иван Васильевич не прислал бы его сюда, в этот гадюшник продажный.

Палаты, отведенные для Алены с сыном, оказались светлыми и просторными. Скамьи широкие, окна в цветных занавесях. Чистое постельное белье с периной и большой подушкой на лавке у стены. Посредине стол. В красном углу – иконостас. Алена ту же опустила на колени, начала молиться. К ней присоединились и Михайло с Осипом.

Служка занялся конями, гости сходили в баню, отужинали вдоволь и разошлись на отдых. Дорога утомила, особенно Петрушу, как тот ни храбрился.

А к вечерней молитве и трапезе явился посол русский Афанасий Федорович Нагой с помощником и невеликой охраной. Узнав о приезде Бордака с бывшими невольниками, повелел дьяку пригласить посланника Москвы в залу приемов.

Бордак зашел, поприветствовал по чину. Нагой в ответ тоже поприветствовал посланника и предложил ему сесть на лавку.

– Жарко ныне, – распахнул Михайло ворот рубахи.

– Да, – согласился Нагой и продолжил: – Тугай выезжает на Москву послезавтра. Ты о женщине с дитем не беспокойся. Ордынцы балуют, конечно, особенно у Перекопа, но людей с посольской грамотой не трогают. За то Девлет-Гирей велел карать строго. Определился, где остановится женщина, а то могу подсобить?

– Благодарствую, Афанасий Федорович, – склонил голову Бордак, – я сам все решил, она остановится у меня на Варварке.

– Вот как? – поднял брови посол. – К себе заберешь в прислугу?

– Не в прислугу.

– Никак жениться собрался?

– Извиняй, Афанасий Федорович, но то только мое дело.

– Конечно, Михайло, – улыбнулся Нагой. – Давно пора тебе обзавестись новой семьей. Одному жить – хуже нет, по себе знаю. Но с Аленой и сыном порешили, давай погугарим о делах. – Посол поднялся со стула, обошел стол, присел на скамью рядом с Бордаком. – Тебе, Михайло, с рассвета след ехать обратно в Кафу.

– Пошто опять в Кафу? – удивился Бордак. – Задание я ведь выполнил.

– Жизнь подбрасывает новые хлопоты.

– И что должен сделать?

– Есть в Кафе крупный работорговец мурза Басыр.

– Слышал о нем, дом большой видел. У него свои суда, работного люда много.

– И у него же в усадьбе, отдельно, конечно, томятся наши невольники.

– Невольники? Пошто он не продает их? На невольничьем рынке его люди не торгуют.

– Басыр-мурза – хитрый и корысти неумеренной человек. Он не как обычные купцы, не выставляет товар на рынке, где за невольников может от силы заполучить пятьсот-шестьсот акче. И это за детишек и девиц. Хитрый мурза, узнав о повелении царя Ивана Васильевича выкупать наших невольников по высокой цене, решил заполучить в десятки раз больше.

– Он готов отдать их за выкуп государев?

– По моим данным, да. Но это треба проверить. У него, опять-таки не точно, около тридцати невольников, из них восемнадцать мужчин и двенадцать женщин. Но невольники разные, где-то до десятка крестьян и их жены, остальные – дворяне и стрельцы, кто-то тоже с женами, захваченные в разных городах. Вернее, выкупленные мурзой Басыром у обычных торговцев. А ты знаешь, сколько царь Иван Васильевич готов платить за наших людей?

– То ведомо, дорого. Один крестьянин пятнадцать рублей стоит.

– Вот и посчитай, сколько это будет акче, если за один акче дают полкопейки.

– По местным меркам, целое состояние.

– Но не для мурзы Басыра. Он богат. Однако, опять-таки по непроверенным данным, он со своими сыновьями собирается перебраться в Высокую Порту. И покуда есть возможность, набивает карман. Но это черт с ним. Тебе треба через Азата добиться встречи с Басыром и договориться о выкупе невольников, при этом крепко торговаться. Коли упрется, можешь сказать, что дороже мы выкупать не будем, пусть выставляет невольников на рынок, до того посчитав, какой прибыли лишится.

– Поторгуюсь, – кивнул Бордак, – это дело нехитрое, и цену собью. Как он должен будет передать невольников? Это же не Алена с Петрушей, что можно с пожитками обозом отправить. Тридцать человек треба через весь Крым провести, и тогда, мыслю, от разбойников наши грамоты не спасут.

– Верно мыслишь. Посему в условия сделки должно войти обязательство мурзы Басыра доставить невольников при достойном обеспечении всем необходимым, без кандалов и цепей на арбах до Перекопа и далее в место, что будет сообщено ему отдельно. За это можно доплатить, но не боле десяти тысяч акче.

– Согласится ли на это условие мурза?

– Согласится. У него много нукеров, воинов в сторожевом отряде, он выделяет хану сотню в войско. Люди у него есть. Мулы, кони – тоже. Да и жадность возьмет свое.

– Я все понял, Афанасий Федорович.

– Но это первое задание.

– Что еще?

– Ты ведаешь, что малый диван одобрил нашествие крымчаков на наши земли весной следующего, 1571 года.

– Я же и передавал об этом донесение.

– Помню. Но окончательное решение, и это тебе тоже хорошо ведомо, примет большой диван, и с созывом его крымский хан медлить не будет. Надо определяться с походом, чтобы начать в зиму подготовку орды, а это хлопотное дело. Переговоры с беками и мурзами, составление разнородной рати, проведение расчета, кто столько людей выставит, кто коней, кто оружия, кто продовольствия. Это переговоры с ногайцами, карачаями, кипчаками, черкесами. Но не тебе объяснять, какие трудности возникают в период подготовки большой рати. А хан должен собрать войско от сорока до шестидесяти тысяч воинов.

– Мне то ведомо, – кивнул Бордак, – что я должен сделать?

Посол вернулся на свое место, сел на стул:

– Если мурза Азат был приглашен на малый диван, то на большом он будет без всякого сомнения.

– Мыслю, он и отряд крупный поведет в поход.

– Возможно. Но вернемся к большому дивану. На нем должна быть определена дата выхода татарского войска к Перекопу, а еще путь продвижения. Скорее всего, это Муравский шлях, но там кто знает. Также от Азата след узнать, что за отряды хан намерен направить на земли русские уже осенью и куда именно.

– Он мог уже определиться с этим, а они выйти на промысел. Хотя нет, Девлет-Гирею удобнее и выгоднее привлечь для этого тех же карачаев или ногайцев, которым не требуется проходить весь Крым до Перекопа. А это без большого дивана не решить, – задумчиво проговорил Бордак.

– Вот все и следует прознать, Михайло. Ты можешь спросить, с чего вдруг я взял на себя полное начальство над тобой, ведь ты подчинен Разрядному приказу, посланник самого государя, так ведь?

– То не особо заботит, боярин, общее дело делаем, а кто над кем, не вельми важно.

– И все же объясню, дабы между нами не было недомолвок и недовольства. Государь русский Иван Васильевич поручил мне начальство над всеми нашими людьми в Крыму. Это тайное поручение, так что останется между нами.

– То мог и не молвить, Афанасий Федорович.

– Ну и хорошо. Сейчас иди. Чем будешь заниматься, дело твое, но на рассвете должен убыть в Кафу.

– Эх, Афанасий Федорович, если бы ты ведал, как не по душе мне ехать в эту проклятую Кафу, – вздохнул Бордак.

– Ведаю, Михайло Алексеич, но... надо.

– Надо. Да, боярин, у меня почти не осталось денег.

– Я удивляюсь, пошто ты в прошлый приезд не запросил их. Найдешь Петра Петровича Агапова, он выдаст тебе двадцать тысяч акче. Из них отложи серебро для мурзы Басыра, а он вельми любит коней, хороших, породистых коней, да тысячу акче на подкуп помощника мурзы, Камиля. Они дальние родственники, и Камиль не менее корыстен, чем мурза. При этом имеет определенное влияние на вельможу. Его помощь может быть существенной.

– А этот Камиль не побежит к мурзе с докладом, что русский посланник пытался купить его?

– Мыслю, не побежит. Жадность удержит. Но чтобы спокойней быть, то и ему преподнеси подарок на эту сумму, а лучше деньги, чтобы сам купил подарок не дешевле. Тогда какой подкуп? Всего лишь желание угодить татарским вельможам и их верным людям, родственникам. Здесь это в порядке вещей.

– Это так. А где деньги брать на выкуп?

– Они есть. Не здесь, в Бахчисарае. Ты договорись с мурзой Басыром, остальное – не твоя забота. Но договоренность должна быть оформлена выкупной грамотой, поименной – с указанием цены за каждого и общей суммы, а также с обязательством Басыра обеспечить вывоз бывших невольников за Перекоп. А куда точно, ему сообщит другой человек, не ты.

– Ясно, Афанасий Федорович.

– Согласен, Михайло, трудно тут, иногда просто невыносимо, но кто-то должен и здесь работать.

– Не спорю и готов работать. И не за звания или чины.

– Достойный ответ.

– Так я пойду?

– Ступай, Михайло!

Бордак нашел помощника посла, и Агапов передал ему деньги. После этого московский посланец прошел в комнату, отведенную женщине с ребенком. Петруша спал, Алена сидела у окошка в задумчивости.

Обернулась, как скрипнула дверь, вздрогнула.

– Это я, Алена, – сказал Бордак.

– Все пугаюсь, извиняй, Михайло, никак не могу привыкнуть, что свободна.

– Привыкнешь. – Он присел на скамью и посмотрел на нее: – Я завтра возвращаюсь в Кафу.

– А я? – встревожилась женщина.

– Ну, ты же ведаешь, что поедешь на Москву. И уже послезавтра. – Бордак достал из-под рубахи кошелек: – Возьми. Это деньги, здесь пятьдесят рублей. Тебе и сыну надолго хватит. Ни в чем не отказывай ни себе, ни Петруше. И живи на подворье спокойно. Если что, ведаешь, к кому обратиться за помощью. И эта помощь будет очень значимой, никто после и взглянуть на тебя не посмеет.

Алена, теребя в руках платок, тихо спросила:

– А когда ты вернешься?

– То не ведаю. Может, скоро, может, нет. Мыслю, не позднее, как выпадет первый снег.

– А что будет, когда ты вернешься?

– Жить будем, Алена. И жить так, как пожелаешь ты. Об этом позже. Сейчас не время обсуждать те дела. Но будь покойна, мой дом в любом случае станет и твоим домом, если ты, конечно, не захочешь что-то изменить. Ну, вроде все. Я уеду рано...

– Я провожу тебя, – подняла на него глаза Алена.

– Нет, то лишнее. Встретимся на Москве. Счастливой вам поездки! Пошел я.

– Спасибо тебе, Михайло.

– Не на чем, Алена, не на чем.

Бордак поднялся и ушел к себе.

Алена еще долго молилась. Потом легла, прижав к себе сына. Для них начиналась новая жизнь. Какой она будет, знал только один Господь, но ей верилось, что долгой и радостной.

Встала она задолго до рассвета, оделась в лучшие одежды, какими с ней поделилась Ирада, навела румяна, подвела брови, уложила волосы. Как только просветлело, вышла во двор. Там был только служка, и она спросила у него:

– Что, неужто Михайло уже уехал?

– Нет, он трапезничает на кухне. Меня послал коня вывести.

Вскоре появился Бордак, увидел ее и возволнованно спросил:

– Алена? Ты пошто в такую рань здесь или приключилось что? Не приболел ли Петруша?

– Все у нас в порядке, Михайло, я просто... проводить тебя пришла.

– И стоило вставать в такую рань?

– Стоило. Вот возьми, татары не нашли, не отобрали, потому как дуже хранила. – Она протянула ему бечевку, на которой висел махонький мешочек. – Это талисман, Михайло. Он помог нам с Петрушей, да не помог мужу, но талисман-то мой. Теперь пусть будет твоим. В мешочке земля наша русская.

– Оставь, Алена, тебе самой пригодится.

– Нет, я еду на Москву, ты же – к проклятым басурманам.

Агапов, вышедший из летней кухни, услышал эти слова и, улыбнувшись, спросил:

– Ризван – тоже басурман?

– Нет, – ответила Алена. – Ризван хороший, и семья его хорошая, добрая семья. Они не басурмане, они наши друзья. А будут на Руси, так и самые дорогие гости.

– Правильные слова, – улыбнулся Бордак. – Ризван не из тех собак, что продают и покупают людей, как скот или вещи.

Служка подвел коня. Агапов обнял Бордака, кивнул служке, и тот ушел.

Алена настояла на своем, и Бордак надел на шею бечевку с мешочком земли русской.

– Да хранит тебя Господь, Михайло, – перекрестила она его.

– И тебя с Петрушей также, Алена. Доброй дороги вам!

– Ох, и не ведаю, что со мной. За себя и сына не боюсь, а вот за тебя боязно.

– Все будет хорошо, Алена. Мне пора ехать.

Алена неожиданно прижалась к нему, поцеловала и тут же, подхватив подол платья, побежала к своему жилищу.

А у Бордака пылали губы. Вельми жарким оказался этот короткий поцелуй.

Он поправил саблю, проверил, как закреплены мошна и посольская грамота. Вскочил на коня, ударил по бокам, и тот пошел рысью со двора.

Выезжал Бордак прямо на улицу, обитатели которой только начали просыпаться. Вышел к краю селения и поскакал проторенной дорогой через степь.

На утро следующего дня, когда посольское подворье покинул отряд под предводительством Осипа Тугая, с Аленой и Петрушей, он прошел уже полпути, отдохнув среди колючих степных кустов.

Проснувшись, подумал об Алене. Хорошо, если за полтора месяца доберутся и не встретят по пути лихих людей. За то след Бога просить. Бордак помолился, перекусил и продолжил путь.

К Кафе подъехал, когда стемнело. Заехал во двор Ризвана со стороны сада. Во дворе находился Хусам. Завидев Бордака, поприветствовал его, забрал коня, повел в стойло обтереть, напоить, накормить.

Ризван с женой не спали. Сидели в главной комнате, говорили о предстоявшей свадьбе сына. С возгласом «А вот и снова я!» Бордак вошел в комнату.

Ризван улыбнулся, Ирада сразу закрыла нижнюю часть лица платком, чужой мужчина не должен ее видеть. Впрочем, это было сделано машинально.

– Я знал, что ты вернешься. Но ладно, Ирада, – повернулся Ризван к жене, – Михайло голоден, сделай что-нибудь покушать.

– Да, Ризван, – кивнула она и ушла.

Ризван взглянул на Бордака:

– Что за дела на этот раз у тебя, Михайло?

– Расскажу потом, сейчас же поведаю лишь то, что завтра мне нужна встреча с Курбаном.

– Желаете вновь говорить с мурзой Азатом?

– Об этом, Ризван, позже. Не представляешь, как я устал.

– Да что представлять, знаю, нелегко путешествовать по пустыне на солнцепеке. Баню топить поздно, помойся из бадьи. И приходи на кухню. Потрапезничай, и спать. А утром прознаем, в Кафе ли мурза Азат, а с ним и Курбан. Коли тут, то будет тебе встреча с ним.

– Ох, опять бриться. Знал бы ты, как это противно, – вздохнул Бордак.

– Для иноземцев удобно.

– На то они и иноземцы.

Михайло обмылся, переоделся в легкие одежды, откушал вдоволь и завалился спать.

Проспал до того, как солнце нежным и горячим, как поцелуй Алены, лучом пробилось через оконце. Поднявшись, умылся, побрился, надел прежнюю одежду литвина, которую Ирада выстирала и на досках выгладила, расчесал волосы и вышел во двор. На топчане сидел Ризван.

– Салам, друг! – поприветствовал его Бордак.

– Салам, салам! Долго ты спишь, Михайло, так можно многое проспять.

– Что-то произошло, пока я спал?

– Ничего особенного. Курбан заезжал. У него неподалеку дела у кузнеца были, заглянул и к нам.

– Вот черт! – воскликнул московский посланец. – Мне нужна встреча с ним, а сам проспал. Пошто не разбудил, Ризван?

– Курбан сказал, не надо. Я поведал ему твое пожелание, он ответил, что будет на невольничьем рынке после полуденной молитвы.

– Опять невольничий рынок, другого места в Кафе нет? – скривился Михайло.

– Есть, но место встречи назначил Курбан.

– Значит, в полдень надо быть у «площади слез»?

– Немного позже. И выходить на рынок не обязательно, там проулков, откуда все видно, много.

– Ладно, разберусь. Вы уже трапезничали?

– Конечно, – кивнул Ризван и тут же позвал жену: – Ирада!

– Да, Ризван? – вышла она из дома. Увидела Бордака, прикрыла лицо, кивнула: – Салам, Михайло!

– Салам! Но разве тебе можно говорить с чужим мужчиной? Приветствовать его?

– Э-э, друг, зачем ты так говоришь? Ты для нас не чужой и не смущай женщину, – покачал головой Ризван.

– Извините, не хотел обидеть.

Хозяин подворья взглянул на жену, та все поняла без слов и сказала:

– Трапеза русского в летней кухне, – после чего повернулась и быстро ушла.

– Ну, Михайло, теперь не жди приветливости от жены. Она у меня упрямая. Упрекнул, почитай, обидел, – рассмеялся Ризван.

– Да я не хотел, само вышло.

– Слово вылетает легко, а вот потом попробуй поймай!

– Это верно. Но, надеюсь, ты поговоришь с женой?

– Бесплезно. Пока сама не сменит нрав, бесплезно. Да и какав тебе разницв? Женцина, она и еств женщина, а у тебв дела серьезные, мужские. Ступай трапезничать.

В полдень, когда муэдзины с минаретов прекратили призывать мусульман на обеденный намаз, Бордак прошел к улице, ведущей на «площадь слез». Здесь, где в это время кроме иноземных торговцев обычным товаром и местных жителей из христиан народу не было, он остановился. Сейчас и на рынке затишье. Правверные, но не чурающиеся торговать «живым» товаром, строго блюди свои законы. То же самое должен бы делать и Курбан, вот только где, в мечети или где-нибудь в тени на носимом с собой коврикe?

Солнце припекало к полудню, не спасали ни легкая одежда, ни головной убор.

Михайло зашел в небольшой проулок, там под тенью дерева присел на корточки.

Служба закончилась, и надо было выходить на невольничий рынок. А так не хотелось.

Там, как и всегда, торг продавцов и покупателей, женщин и мужчин. Невольников, детей и девиц, уже всех разобрали. Бордак не пошел к главному фонтану, не хотелось еще раз встретиться с той изуродованной женщиной. Он обошел фонтан, и тут в спину его ударили с такой силой, что он едва не упал. Оглянулся. Сзади два типа в национальной татарской одежде, заметно находившиеся под воздействием какого-то дурманящего зелья. Видимо, не один кальян выкурили в ближайшей чайхане.

– Эй ты, свинья! – крикнул один из них. – Невольника купить не желаешь?

Бордак бы легко снес головы обоим, но сейчас и здесь сделать этого не мог.

– Не желаю, – коротко ответил он.

– Что так? – сощурился второй. – У нас есть очень хороший товар.

Они расступились, и Михайло увидел позади них человека, стоявшего на коленях, с вырванными ноздрями и отрезанными ушами. Даже трудно было с ходу сказать, кто это, мужчина или женщина.

– Смотри, литвин, какой хороший товар, – засмеялся первый. – Только к себе привезешь, народу много сбежится посмотреть на это чудовище. И просим за него мало, всего триста акче.

У Бордака задергалось веко. Он начал терять самообладание.

– Послушайте, вы, жертвы кальяна и собственной глупости! Я не покупаю людей.

– А что ж тогда делаешь тут?

– Э-э, какав разницв, что он тут делает? Не хочет покупать товар, пусть платит за посещение рынка.

Сбоку раздалось угрожающее:

– И кто тут устанавливает плату за посещение рынка?

Обкуренные татары повернулись на голос, схватившись за рукояти своих кривых сабель, и тут же отпустили их.

– Курбан-ага?

– Я спросил, кто?

– Да мы, Курбан-ага, пошутили.

– Где взяли изуродованного невольника?

– Так он уже не жилец, сосед Вахида, – кивнул младший на старшего, – так отдал.

– А вы в литвина вцепились? Забыв, что за нарушение порядка на рынке любого ждет наказание? Хотя чем вам помнить, если головы прокурили. Так, сейчас забирайте невольника и проваливайте! Если еще раз увижу в городе, приблю. Поняли, торгаши?

– Да, да! – Бросив умирающего человека-раба, татары бросились бегом по ближней улице.

Бордак взглянул на невольника. Но тот уже ничего сказать не мог, завалился на бок и хрипел, изо рта шла пена. Он умирал.

– Оставим его, все одно помрет, избавится от мучений, пойдем, Михайло.

– Куда?

– Есть тут неподалеку один дом, там и поговорим спокойно. Ведь ты же хотел говорить со мной?

– Да! Идем. Указывай, куда.

– Прямо в проулок.

Идти пришлось недолго. Пройдя два переулочка, уперлись в тупик. Вернее, в площадку, огороженную заборами и не имевшую дальнейшего свободного пространства. Свернули вправо, зашли во внутренний двор обычного для этой местности дома. Во дворе – никого. Перед входом сняли обувь. Далее Курбан провел Бордака в комнату, разделенную занавеской на две половины, мужскую и женскую. Зашли, естественно, в мужскую половину. Там у передней стены на нарах, укрытых ковром, восседал среди подушек татарин в одежде не простой, но и не вельможной. Он привстал при появлении гостей.

– Салам, Камиль! – кивнул Курбан.

– Салам, Курбан! – ответил татарин и, посмотрев на Бордака, проговорил: – Ты, Курбан, точно русского привел? Не похож он на москвитя.

– Русского, не сомневайся, – ответил Михайло.

– Ну, тогда приветствую тебя, русский!

– И тебя так же.

Камиль хлопнул в ладоши, и в комнате мгновенно появился мужчина лет сорока:

– Да, Камиль-ага?

– Скажи, чтобы чаю принесли и сладостей.

– Сделаю.

– Хозяин дома, что ли? – спросил Бордак.

– Хозяин, – отчего-то усмехнулся Камиль, – помощник и доверенное лицо влиятельного мурзы Басыра.

Но вернулся не он, а женщина, укутанная с ног до головы в черное одеяние. Она поставила поднос с чайником, пиалами, вазой со сладостями и, кланяясь и пятясь, удалилась.

Камиль разлил по пиалам чай, сделал глоток, бросив в рот засахаренную «подушечку», взглянул на Бордака, спросил:

– С чем пришел, москвит?

– Мне надо поговорить с мурзой Басыром.

– Желających говорить с мурзой много, – вальяжно усмехнулся Камиль, – вот только господин Басыр далеко не со всеми встречается. Для встречи нужна веская причина. Она у тебя есть?

– Есть.

– И что за причина?

– Мурза держит много наших людей...

– Не ваших, москвит, а Басыра, – прервал Бордака Камиль. – Это рабы мурзы, его собственность, приобретенная за немалые деньги.

Михайло едва не вскипел, но Курбан поспешил разрядить обстановку:

– Пусть так, Камиль. У твоего хозяина много русских невольников.

– И не простых, хотя есть и простые крестьяне. Но есть и стрельцы, и дворяне.

– А у нашего царя Ивана Васильевича есть намерение выкупить их у мурзы, – сказал Бордак, тем самым обозначив главную причину встречи.

– Хм... Выкупить, говоришь? Выходя на такое дело, ты не можешь не знать, сколько стоят невольники, которых продают Москве.

– Я знаю.

– А ведаешь ли, москвит, что товар подорожал?

– И с чего это вдруг?

– Невольники у мурзы Басыра живут довольно долго. На работы, и то не самые тяжелые, привлекаются только крестьяне, по хозяйству бабы. Их кормят не так, как рабов, для них созданы сносные условия проживания. А это все деньги. Ежедневные траты. Вот и считай, сколько на невольников затратил мурза.

– Согласен, – кивнул Бордак. – Тратился твой мурза, но делал это с умыслом и по доброй воле. Дабы дороже продать людей.

– Это не наше дело, что и почему делал господин Басыр.

– И здесь я с тобой согласен, татарин. Посему, если мурза Басыр желает продать всех имеющихся невольников, то я должен встретиться с ним и обговорить это.

– Он спросит меня, сколько готовы русы заплатить за своих людей.

– Скажи, что это я буду обсуждать только с ним.

Камиль допил чай, бросил в рот еще одну «подушечку», недобро посмотрел на Бордака:

– А ты либо слишком умен, московит, либо слишком глуп. Встречу с мурзой Басыром могу организовать только я. А ты со мной ведешь себя нагло, вызывающе.

– Не забывай, что есть еще мурза Азат, чей помощник находится рядом. Как думаешь, Камиль, мурза сможет организовать встречу?

– Нет, ты не глуп, московит. Мурза Азат в почете у мурзы Басыра, вот только зачем ты встречаешься со мной, когда мог сразу прийти к Азату?

– Скажу прямо, Камиль, это дешевле.

Помощник Басыра с недоумением посмотрел на московского посланника:

– Дешевле? Что ты имеешь в виду?

– То, Камиль, что мне проще заплатить тебе, скажем, тысячу акче, чем выделить долю Азат-мурзе за посредничество.

– Да ты умный человек, – рассмеялся Камиль. – Говоришь, тысячу?

– Да.

– Две!

– Тысячу. Это то, что я могу дать тебе прямо сейчас. На нее ты сможешь купить себе хорошего скакуна. Наложниц, мыслю, у тебя хватает.

– Наложницы – это так, для утехи, а вот хороший конь – это действительно моя слабость.

– Ведаю, что и мурза Басыр – любитель хороших коней.

– И то правда. Но к делу. Давай деньги.

– Э-э... – протянул на этот раз Бордак, – разве так дела делаются? Деньги я передам Курбану. Как только переговорю с мурзой Басыром, он отдаст их тебе. Не состоится встреча, Курбан вернет деньги мне.

– А ты не слишком ли самоуверен? Ведь не на Москве у себя разговор ведешь, а в Кафе, где иногда бесследно пропадают десятки иноземцев.

– А вот пугать меня, Камиль, не надо, пуганый. И ничего ты не сможешь сделать против меня.

– Это еще почему?

– Потому что я служу при русском посольстве, о чем имею грамоту, а хан Крыма Девлет-Гирей повелел жестоко наказывать всех, кто посмеет нарушить неприкосновенность иноземных посланников. Как думаешь, сохранит ли свое положение, свой дворец, свое состояние, состояние родственников мурза Басыр, если его люди нарушат повеление хана?

И вновь помощник мурзы рассмеялся неестественным смехом, показав свои гнилые зубы.

– Вы все продумали, московиты. Ты прав, на посольских людей никто не посягнет, ну, если только разбойники, которым терять нечего, и то по глупости своей. Но таких в Крыму становится все меньше. А скоро и вовсе не останется. – Камиль имел в виду предстоящее военное нашествие на русские земли. Тогда в орду Девлет-Гирея вольются все желающие нажиться на

крови русской. – Яхши, – ударил он ладонью по ковру. – Давай деньги Курбану, я ему полностью доверяю. И жди, когда Басыр-мурза соизволит принять тебя. Я же поведаю ему о желании Москвы выкупить невольников.

– Хорошо, – сказал Бордак, достал кошелек и передал Курбану: – Здесь ровно тысяча акче. Курбан прикрепил кошелек к своему поясу и повернулся к Камиллю:

– Все?

– У меня к москвиту вопросов нет, – пожал тот плечами.

– У меня к Камиллю тоже нет, – сказал Бордак. – Спасибо за хлеб-соль.

– Ну, тогда, Камиль, – продолжил Курбан, – передай мне о времени и месте встречи посланника Москвы и мурзы.

– Непременно. И уверен, долго ждать не придется.

Попрощавшись с помощником мурзы Басыра, Курбан и Бордак покинули его дом и выехали в центр.

– Жди, Михайло.

– Да, Курбан, но у меня и к тебе есть дело.

– Да? Что ранее не говорил о нем?

– Надо было с одним разобраться. Как у нас говорят, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

– Хорошая поговорка. Правильная. Ты с Камилем поговорил, он устроит встречу с мурзой. Ты верно решил дать ему денег, теперь он из кожи вылезет, чтобы быстрее заполучить их, а это возможно только после встречи. Что за дело ко мне?

– Мне надо встретиться с мурзой Азатом.

– Но он не держит невольников, – улыбнулся Курбан.

– С ним не о том говорить буду.

– Хоп, Михайло. Узнаю, когда сможет встретиться с тобой мурза, или сам приду на подворье Ризвана, либо пришлю гонца. Договорились?

– Договорились. Это тебе. – Бордак передал помощнику Азата кошелек меньших размеров, и тот взял его без лишних слов.

– Ты только на месте будь, Михайло, – сказал он, не прощаясь, – ибо мурза может назначить встречу и через день, и уже сегодня.

– Я постоянно буду на подворье Ризвана.

– Яхши. Будь осторожен.

– И тебе удачи, Курбан.

Татарин и московский посланник разъехались.

Ждать Бордаку пришлось недолго. В пятницу, в праздничный для мусульман день, после обеда на подворье Ризвана явился Курбан. Заехал он, не таясь, с улицы. Передал коня Хусаму, поприветствовал хозяина дома.

– Ассалам алейкум, уважаемый Ризван!

– Ва алейкум, Курбан-ага!

– А где Михайло?

– Так у себя, наверное. Он, как отвез Алену с Петрушей, да после встречи с человеком мурзы Басыра, затосковал. Боле сидит или лежит в своей комнате, выходит редко, на трапезу или по нужде, вот только вчера вечером где-то с час посидел на топчане. И все вздыхает. Может, хворь какая к нему прицепилась?

– Несомненно и очевидно, что хворь, – улыбнулся Курбан.

– И что за хворь, по-твоему? – озаботился Ризван.

– О, Ризван, эта хворь может убить человека.

– Да говори понятней. И откуда тебе знать, что за хворь прицепилась к Михайло? – недоверчиво посмотрел на помощника мурзы Азата Ризван. – Ты ведь не лекарь и не знахарь.

– Для того чтобы определить эту хворь, не надо быть ни лекарем, ни знахарем, ни ученым доктором. Потому как хворь та – любовь.

– Ты мыслишь, Михайло влюбился в Алену?

– Они же жили у тебя, а ты как слепой, – вздохнул Курбан. – Это было заметно сразу, как только Михайло выкупил ее с дитем и привез к тебе. А сейчас мается, беспокоится, как они продвигаются на Москву. Да, отряд и голова его имеют посольскую грамоту, в Крыму и поблизости их никто не тронет, но вот далее, где безобразничают многие шайки головорезов, там может быть опасно, вот и переживает Бордак. Но хватит ему изводить себя, зови сюда.

– Думаешь, он не видел, как ты приехал?

– Может, и не видел.

– Хусам, – кликнул Ризван сына, – позови-ка сюда Михайло Алексеича, да передай, Курбан-ага приехал!

– Да, отец.

Но звать Бордака не пришлось, он вышел сам, так как видел приезд Курбана, которого ждал.

– Салам, Курбан!

– Салам, Михайло! Ризван говорит, затосковал ты?

– Ничто, все хорошо. Давай о деле. Коли приехал, то не с пустыми руками.

– Это так. Есть о чем сказать.

Ризван и Хусам, видя, что у русского и помощника мурзы Азата дела, ушли в сад.

– Значит, так, Михайло. Мурза Басыр сейчас в море, – начал Курбан, когда они остались одни.

– Уж не в Порту ли отправился?

– Нет, просто вдоль берега крымского на своем новом морском судне ходит. Он любит морские прогулки в обществе прелестных и юных наложниц.

– Старый развратник!

– Ну, во-первых, не такой он уж и старый, а во-вторых, этим занимаются многие вельможи.

– И Азат-мурза тоже?

– Он девиц любит. Но кто их не любит? Я вот тоже не прочь провести ночь с красивой и безотказной молодкой.

– По Басыру я понял. Да поможет ему Всевышний быстрее и без происшествий вернуться в Кафу, иначе весь мой план полетит к шайтану.

– Вернется, никуда не денется. Теперь по моему хозяину. Он готов встретиться с тобой уже сегодня. Я же говорил, мурза Азат – непредсказуемый человек.

– Где он готов принять меня?

– Там же, где и прошлый раз. Сразу после молитвы Магриб.

– Значит, в доме у крепости, – проговорил Бордак, – хорошо, буду. Азат не передавал, какие меры предосторожности следует предпринять?

– Такие же, что и ранее.

– Как воспринял он мое пожелание вновь встретиться с ним?

– Вполне спокойно. Мыслию, он ведает, для чего тебе нужна встреча. Так что готовься раскошелиться.

– Платить придется за все, – вздохнул Бордак. – А здесь даже за то, что не стоит ничего. Восток – это дело такое.

– У вас по-другому?

– У нас, Курбан, по-другому. И очень многое.

– Ну, тогда мурза Азат будет ждать тебя в доме у крепости в назначенный час. Не буду напоминать, что надо прийти вовремя. И... – улыбнулся помощник мурзы, – не пустым.

- Я хорошо изучил ваши традиции. Сам-то будешь в той усадьбе?
- Это только Всевышнему и мурзе Азату известно, – ответил Курбан.
- Понятно. Но в любом случае увидимся. Покуда буду делать дела с мурзой Басыром, мне из Кафы ни ногой.
- Встретимся.
- Вместе поедем из дома?
- Да, до площади, там разъедемся.
- Хоп, как у вас говорят.

После вечернего намаза Бордак направился по известному адресу.

Нукеры пропустили его молча. Служка принял коня.

Азат-мурза находился в той же комнате, что и при первой встрече.

- Ассалам алейкум, уважаемый мурза! – поздоровался Бордак.
 - Ва алейкум! – ответил Азат. – Что на этот раз привело тебя ко мне? Хотя можешь не объяснять. Москву интересуется, что будет на большом диване, угадал?
 - Да, – просто ответил русский посланник.
 - Там ничего особенного не происходит, большой совет обычно утверждает решение малого. Мыслю, так будет и на этот раз.
 - А дата большого дивана уже определена?
 - Да, на следующей неделе, в четверг.
 - Надеюсь, достопочтенный мурза расскажет, какое решение, кроме утверждения тех, что были приняты малым диваном, примет большой совет?
 - Ты знаешь, что для этого требуется, – усмехнулся Азат.
 - Сколько? – без обиняков спросил Бордак.
 - Двадцать тысяч акче.
 - Может быть, уложимся в пятнадцать тысяч?
 - Жизнь в Крыму портит тебя, – рассмеялся мурза. – Вернешься на Москву, если, конечно, еще вернешься, по всякому поводу да и без повода станешь торговаться.
 - Я бы не торговался, но стеснен в средствах.
- Азат предложил гостю чаю, но Бордак отказался:
- Благодарствую, мурза, я сегодня чая не меньше ведра выпил. И как вы столько пьете его?
 - В нем сила.
 - Не замечал, что становлюсь сильнее после выпитого чайника.
 - Ты этого и не мог заметить. Сила проявляется в бою, ты же здесь ведешь праздный образ жизни.
 - Знаешь, мурза, я предпочел бы бой этому бездельному времяпровождению в Кафе, – вздохнул Михайло.
 - Не беспокойся, будет тебе и бой, война грядет.
 - Кстати, уважаемый Азат-мурза, мы хотели бы знать, когда, какими по численности и составу и где отряды хана будут тревожить сторожевые станицы и заставы уже в этом году.
 - То тако же окончательно решится на диване, и ты все узнаешь, но заплатить тебе придется двадцать тысяч акче, и ни монетой меньше.
 - Ты оставляешь меня практически без средств к существованию, – изобразил досаду Бордак.
 - Что, в русском посольстве нет денег?
 - Ты же знаешь, посольство – это одно, я – совсем другое.
 - А вот этого не следовало говорить, не надо мне лгать, Бордак. Я прекрасно осведомлен, что ты был в Сююр-Таше, на русском подворье.

– А тебе не сообщили, с кем я был на этом подворье? – не растерялся Михайло.

– С бабой и дитем, но поначалу один.

– Верно. Мне надо было отправить выкупленную женщину и ребенка на Москву, с этой просьбой я и обращался к послу, боярину Афанасию Федоровичу. Он не отказал, я привез мать с сыном, и сейчас они в пути домой.

– И никаких других дел с послом?

– Это лишний вопрос, извиняй, мурза.

– Яхши! Мне не интересно, связан ты с московским посольством или нет, как передаешь добытые сведения на Москву. Моя забота только в том, что я получаю взамен тех данных, которые передаю тебе. И если ты хочешь ведать, какие конкретно будут приняты решения на большом диване, особенно в части планов на эту осень, то до моего отъезда привези сюда... нет... передай Курбану где-нибудь в городе, но скрытно, десять тысяч акче. Остальные десять тысяч отдашь после получения интересующей тебя информации. Таково мое окончательное решение. И если на рынке торг является неотъемлемой частью жизни, то сегодня и здесь между нами он совершенно не уместен, я не уступлю. Либо плати и узнаешь, что желаешь знать, либо уезжай и забудь о нашей дружбе.

– Хоп, Азат, – притворно вздохнул Бордак. – Твои условия приняты. Могу сейчас заплатить половину всей суммы.

– Ты носишь такие деньги с собой? – удивился мурза.

– Приходится. С вами трудно просчитать, как пойдет разговор, а потом туда-сюда по городу за мощной мотаться желания нет.

– Яхши! Давай половину сейчас.

Бордак достал увесистую кожаную сумку, что хранил под поясом, положил на топчан перед мурзой:

– Здесь десять тысяч. Можешь пересчитать.

– Для того есть люди. Курбан!

Помощник вошел в залу, поклонился:

– Да, господин Азат?

– Что там, догадываешься? – спросил мурза, кивнув на сумку.

– Конечно.

– Тем лучше. Пересчитай деньги.

– Сколько должно быть?

– Ты посчитай и скажи мне, сколько передал твой товарищ.

– Слушаюсь, господин. Дозволь заняться этим в своей комнате?

– Хоп. Займись там.

Курбан отправился пересчитывать мелкие серебряные монеты. Вернувшись через какое-то время, он доложил:

– В сумке десять тысяч акче.

– Яхши, – кивнул мурза, – оставь деньги здесь и проводи москвитянина. Мы закончили разговор.

Бордак поднялся и вышел из дома, а затем и из усадьбы вместе с помощником мурзы.

– Удачный разговор, Михайло? – спросил Курбан.

– Вроде да, а там видно будет.

– Ну, если Азат взял деньги, то нужные тебе сведения добудет непременно.

– Надеюсь. Тревожно мне что-то, Курбан.

– Чуешь опасность? Может, дать тебе нукеров или самому проводить до Ризвана?

– Не надо. Доеду, бог даст.

На улице значительно стемнело, подул ветер, поднимая на море волны. Погода стремительно портилась. Так не часто, но бывало в Кафе, как, впрочем, и в любом другом приморском городе.

Бордак в этот раз поехал дальней дорогой, надо было собраться с мыслями. Думы об Алене все боле завладевали московским посланником. Бросив поводья, он ехал, не спеша, думал, как встретится с полюбившейся женщиной, останется ли она с ним. Думал о родине, о Москве, о березах, что растут вокруг городьбы его подворья. Здесь берез нет. Здесь много чего нет, что радовало глаз на Руси. Михайло так глубоко ушел в думы, что не заметил, как сзади из проулка вышли трое местных. Они пошли за ним, тихо переговариваясь между собой. И только постоянное напряжение в чужом краю, выработавшее чутье на опасность, возможно, спасло Бордака. Он обернулся резко и очень вовремя – острие копья было уже в сажени от него. Михайло мгновенно среагировал. Уклонился, даже успел вытащить саблю. Копье, которым один из неизвестных хотел сбросить его с коня, прошло мимо, и незадачливый воин упал след за ним.

Но подошли двое других, и с разных сторон. Судя по их действиям, нападать на одинокого всадника им было не впервой.

– Мошну, литвин! – крикнул справа старший. В его руках, как и в руках поделщика, поблескивало лезвие кривой сабли.

– Мошну тебе? – вскричал Бордак и, развернув коня, взмахнул своей саблей.

Татары шарахнулись в сторону и избежали удара.

Но тут поднялся первый со своим копьем.

Бордак сдал немного назад к городьбе, так его не могли окружить. Но копье – коварное и грозное оружие против всадника.

От второго удара Михайло отбил саблей, переломив древко, но получил скользящий удар по левой руке и сразу почувствовал боль и тепло крови. Рука двигалась, значит, ранение несерьезное. Однако враг был слишком близко. И тогда он, участвовавший во многих сражениях, в том числе и в Казани, решился на отчаянный шаг – спрыгнул с коня и ударил старшего. Удар пришелся в плечо. От боли тот взвыл, уронив саблю.

Бордак меж тем бросился на того, что продолжал держать обрубок древка. Он не успел вытащить саблю. Удар, и татарин с рассеченной головой завалился на бок. Третий, видя такое дело, отступил за дерево.

– Выходи, собака, на честный бой, – крикнул ему Михайло.

Но куда там. Крымчаки избегали равных схваток. Они нападали только тогда, когда имели значительное преимущество. Сейчас же у этого, что прятался за деревом, не то что значительного, никакого преимущества не было.

Бордак услышал шорох за спиной, мгновенно развернулся и, увидев перекошенную злобой физиономию старшего, поднявшего целой рукой саблю, нанес колющий удар в грудь.

Разбойники не имели крепкой защиты, только легкие кольчуги под обычными рубахами. Сабля пробила кольчугу, и острие вонзилось в сердце татарина. Он рухнул на колени, затем лицом вниз и забился в судорогах. Бордак огляделся, ожидая нападения из-за дерева, но третьего разбойника уже и след простыл. Второй же корчился в стороне.

Михайло подошел к нему, приставил острие к горлу и спросил:

– Кто послал вас?

Татарин замотал головой, рискуя поранить горло:

– Никто, клянусь Аллахом! Сами вышли взять добычу. Смотрели за тобой от крепости. Решили, то, что надо.

– А оказалось по-иному. Где третий?

– Бежал, пес! Не убивай, литвин, ты уже Али убил, я ранен. Отпусти! Клянусь, брошу это дело, вот только Вахида сбежавшего накажу за трусость.

Бордак опустил саблю. Из рукава на землю упали капли крови.

Смысла убивать раненого не было, надо быстрее ехать к Ризвану и свою рану обработать.

– Молись Всевышнему, собака, за то, что дарю тебе жизнь, которую следовало бы забрать. Убитого товарища своего тащить сможешь?

– Смогу.

– Утащи его отсюда да похорони. И чтобы я больше не видел вас. Увижу – прибью!

– А ты не литвин, – сощутив глаза, вдруг проговорил татарин.

– Нет, я немец.

– Э-э, нет, не немчин, ты – русский.

– Не хочешь жить?

– Ай, какая разница, кто ты! Я все сделаю, как ты сказал, похороню Али, а потом и Вах-ида, если доберусь, уйду из Кафы. Мы и так собирались уйти в Кезлев, тут опасно стало.

– Так и сделай!

Бордак запрыгнул на коня, ударил его по бокам, и тот пошел рысью по темной улице.

Вскоре Михайло въехал на подворье Ризвана.

Первым его увидел Хусам.

Оттого, что московский посланник неуверенно слез с коня, спросил:

– Что-то случилось, Михайло?

– Ты матери скажи, чтобы нагрела воды да отца позвала. Я ранен.

– Ранен? Но...

– Меньше слов, Хусам! – перебил парня Бордак.

– Да, да, я быстро.

Из дома выбежал перепуганный хозяин дома.

– Что такое, Михайло? На тебя напали?

– Ну, не сам же я поранил себе руку.

– Но кто? Где?

– Лихие люди, в городе, в темном месте. Ограбить хотели.

– Уверен, что ограбить, а не убить из-за дел твоих?

– Уверен. Ты вот что, помоги рубаху снять.

– Рука-то хоть слушается?

– Слушается.

Ризван стянул с Бордака рубаху, увидел большой порез на предплечье и воскликнул:

– Ох ты! Саданули крепко.

Он приказал жене согреть и принести воду, чистую ткань, а Хусаму велел сбегать за лекарем Амиром.

Лекарь пришел, когда Ирада все приготовила. Более того, она промыла рану, стерла кровь, вынесла новую рубаху.

– Что тут? – спросил он.

– Да вот, Амир-ага, – указал на посланника Ризван, – разбойники в городе напали, порезали.

– Эх, все беспокойнее становится в городе, – вздохнул лекарь. – А жена твоя, Ризван, молодец, обработала рану как надо.

Женщина, закутавшись в платок, отошла к дому. У топчана остались только мужчины.

Амир внимательно осмотрел рану и покачал головой:

– Тебе повезло, русский, клинок прошел по скользящей, рана глубокая, но не опасная.

И затянется быстро, потому как крепкий ты, а я дам тебе целебные травы, отвары из которых заживляют раны. Шрам, конечно, останется, но кто из мужчин сейчас без шрамов?

Он занялся рукой Бордака, в рану насыпал какого-то порошка, велел размочить в горячей воде засушенные травы, которые затем наложил на шрам и стянул все лоскутами.

– Ну, вот и яхши, – проговорил лекарь, скатывая засученные рукава. – Не пройдет и трех дней, рана заживет. Ничего не меняйте, повязки тоже, даже если загрязнятся. Через три дня можно снять совсем. Останется бордовый рубец, иногда будет кровоточить, но это пустое.

– Сколько я должен тебе, добрый человек? – спросил Михайло.

– Скажи, русский, – посмотрел на него лекарь, – если бы я лежал в канаве, ты прошел бы мимо или попытался помочь?

– Конечно, попытался бы помочь.

– Вот и я помог. Не надо мне ничего. Да и не за что брать деньги. Выздоровливай.

Он собрал свои нехитрые пожитки, и Хусам проводил его до ворот.

– Нехорошо как-то получилось, Ризван, – взглянул на хозяина подворья Бордак. – Человека оторвали от дел, он оказал помощь, потратил снадобья, которые наверняка достаются ему нелегко, а я не отблагодарил.

– Ты не волнуйся и не беспокойся, Михайло. Амир у нас такой. Редко берет за лечение, и то тогда, когда сам прикупает у кого-нибудь снадобья.

– Странный человек.

– Разве у вас на Руси таких мало?

– Ну, знахари или лекари обычно берут если не деньгами, то провизией, яйцами, курицей. Хотя, конечно, есть и такие, как ваш Амир.

– Хорошие люди, как и плохие, есть у каждого народа. Хотелось бы, конечно, чтобы хороших было больше, но почему-то получается, что больше плохих.

– Это, друг, оттого, что добро не видно, им не кичатся добрые люди. А зло так и прет наружу.

– Ты, наверное, прав, – задумчиво проговорил Ризван и вдруг спохватился: – Так, а как насчет трапезы?

– Можно перекусить, но поначалу помолюсь. Поблагодарю Господа за спасение.

– Это надо. Молись, Михайло, покуда жена выставит кушанья на летней кухне.

– Добре.

Бордак прошел к себе, помолился, потрапезничал и лег спать. Рука особо не беспокоила, спал спокойно.

А через три дня, как и говорил лекарь, он уже был вполне здоров. Только шрам напоминал о том случае. Но что такое шрам для мужчины, воина? То же, что украшение для женщины.

Глава третья

В понедельник Бордак почувствовал себя вполне здоровым. Снял повязки, выбросил травы, допил отвар, который наказывал пить местный лекарь. Вышел во двор, умылся, облился холодной водой из кадки, крякнул от удовольствия, надел штаны и свежую рубаху. Потрогал щетину, вздохнул – опять брить придется. И длинные волосы надоели. Чуждо все это человеку русскому. Но должен выдавать себя за литвина в проклятой Кафе. Он не услышал, как к городьбе подъехал всадник. Татарин, сидевший в седле, постучал плетью по сапогу:

– Ассалам алейкум, Михайло!

Бордак обернулся. На коне сидел помощник Азата Курбан, улыбаясь во весь свой рот.

– Салам! Чего так рано? Случилось что? И пошто за городьбой? Погоди, ворота открою, во двор въедешь.

– Нет, Михайло, – отказался татарин, – времени у меня мало. Заскочил сказать, в полдень мурза Азат едет в Бахчисарай, на большой диван.

– Этого следовало ждать. Диван же в четверг?

– Да. Теперь по мурзе Басыру. Камиль передал, что мурза будет в своем доме в среду, к полуденному намазу, и он поговорит с ним насчет невольников. О том, что решит мурза, сообщит его человек. Приедет сюда. Ну а мы вернемся не ранее следующего понедельника.

– Я понял тебя, Курбан.

– Вижу, поправил здоровье?

– Слава богу, с помощью вашего лекаря.

– Ну, и яхши. А где Ризван?

– В доме не видел, в саду, наверное, вместе с Ирадой и Хусамом.

– Передай, что приезжал, здравия доброго желал.

– Обязательно.

– Ну все, Михайло, поехал к Азату.

– Скажи, Курбан, у тебя в Бахчисарае свобода передвижения будет? – спросил вдруг Бордак.

– Я же не раб и не невольник. Чего-то надо?

– Надо. Но дело такое, не простое.

– Ты говори, а я уж решу, простое или нет.

– Надо в Сююр-Таш не приметного человечка по приезде послать.

– Зачем?

– До русского посольства. Чтобы передал, пусть посол, Афанасий Нагой, пришлет сюда, в Кафу, кого-нибудь. А то согласится мурза Басыр продать невольников, а я такой суммы и в жизни не видел. Тогда же все делать быстро надо будет. Да и вы новости привезете. Не мотаться же мне из Кафы в Сююр-Таш и обратно по каждому случаю?

Татарин задумался. Затем проговорил:

– Человечка-то найти нетрудно, только станут ли с ним говорить на посольском подворье?

– Скажет от Мацека, станут. Но твой человек должен быть очень осторожным. Наверняка за нашим подворьем смотрят недруги.

– То понятно. Хоп, Михайло, сделаю, что ты просишь.

– Сделай, и я хорошо заплачу тебе.

– О том мог и не говорить. Все?

– Все!

– Поехал. – Курбан повернул коня и повел его рысью по улице.

Из сада во двор вышли Ризван и Хусам. Они несли корзину спелых, крупных яблок.

- О, Михайло, – воскликнул хозяин подворья, – встал уже? Как чувствуешь себя?
- Салам, Ризван, салам, Хусам! А насчет здоровья, то здоров.
- Курбан, что ли, приезжал?
- Видели?
- Пыль на улице от коня. И от наших ворот.
- Да, Курбан. Велел передать приветствие и пожелания здоровья.
- Благодарю. Но еще Курбан наверняка передал и новости?
- Передал и новости, но тебя они не касаются, друг.
- Ну и ладно. Ирада от соседки придет, чал – верблюжье молоко – принесет, трапезничать

будем.

- Хорошо, – кивнул Михайло и прошел в свою комнату.

Встал на колени перед образами, помолился. Он просил Бога о том, чтобы помог освободить невольников, а боле о том, чтобы Алена с Петрушей благополучно доехали до Москвы.

Помолившись и закрыв занавеской образа, присел на скамью. Подумал, где сейчас может находиться отряд Тугая. По расчетам выходило, что за Перекоп уже вышли. Дале Муравский шлях. До конца по нему поведет Осип или свернет на Изюмский, дабы сократить путь? Но все одно отряду предстояло идти по степи, дорогой, которую и дорогой назвать нельзя, шлях был вытопан на сотни сажень в ширину, и только далее высокая трава. Селений по пути мало, но они есть, как и небольшие рощи. Ближе к истоку реки Оскол пойдут редкие леса. Севернее они будут все чаще и больше. Там уже и поселений более, и постоянные дворы. Но до них недели две продвижения под палящим солнцем. Это все пусть, и жара, и солнцепек, лишь бы лихие люди не налетели ордой большой. Ратники у Тугая добрые, стойкие, да немного их...

Размышления Бордака прервал Хусам. Он пришел сказать, что завтрак готов.

Трапезничать Михайло ушел в сад. Ему томиться еще на подворье Ризвана до среды, если не более, и это вынужденное безделье с думами об Алене изматывает хлеще любого похода.

Но время не остановить. Медленно, иногда невыносимо медленно, но прошел понедельник, за ним вторник, наступила среда. Бордак с утра устроился на топчане внутреннего двора, откуда были видны ворота. Он ждал. Сегодня может появиться гонец помощника мурзы Басыра. Курбан в свите Азата, наверное, уже в Бахчисарае, послал ли он человека в Сююр-Таш? Коли обещал, пошлет. На Курбана можно положиться.

На улице раздался топот копыт, и он весь напрягся.

- Салам! – крикнул подъехавший всадник.

– Салам! – ответил Бордак.

– Кто тут литвин?

– Я.

– Не похож что-то, боле на русского.

– Русские бороду носят.

– Ее можно и сбрить, и отрастить.

– Ты так и будешь пустое говорить или к делу перейдешь? Ведь не случайно заехал.

– Не случайно, – кивнул татарин и потребовал: – Назовись... литвин.

– Наперво ты ответствуй, кто такой.

– Я гонец Камиль-аги, знаешь такого? – развернув коня, ответил татарин.

– Знаю. Я – Бордак Михайло.

– Говорю же, русский, да ладно. Камиль-ага передал, что мурза Басыр готов тебя принять после вечернего намаза.

– Хорошо. Где мурза готов принять меня?

– Ты будь тут, я подъеду, провожу.

– Хоп, договорились.

Всадник крикнул, сжал коленями бока молодого скакуна и галопом пошел по улице.

– Кто это был? – вышел из дома Ризван.

– Гонец помощника Басыра-мурзы.

– К тебе?

– Если бы к тебе, я позвал бы.

– Это так. Я поеду на рынок, не напрягайся, не на «площадь слез», на обычный рынок, продуктов куплю.

– Ты волен делать что угодно.

– Если что потребуется, обращайся к Хусаму.

– Добро.

– Чувствуешь-то себя хорошо?

– Хорошо.

– Ну и ладно.

День пролетел быстро. Как солнце склонилось к закату, с минаретов начали кричать муэдзины, созывая правоверных на молитву.

Еще через некоторое время, когда сумерки окутали город, появился гонец Камиля. Бордак был готов к приему. Чистая одежда под литвина, рядом конь, за поясом сабля, в ножнах сабля, под рубахой объемная мошна.

– Готов, Бордак? – спросил татарин.

– Готов.

– Выезжай.

– Ты себя-то назови, а то и не ведаю, как назвать.

– Зови Амином, хотя чего тебе ко мне обращаться? Провожу, и расстанемся.

– Кто знает, может, еще увидимся.

Бордак выехал. Хусам закрыл ворота. Вернувшийся еще до асра – предвечернего намаза – Ризван проводил взглядом московского посланника от дверей дома.

– Далече ехать, Амин? – спросил Бордак.

– Тебе какая разница? – вопросом на вопрос ответил гонец.

– Дабы дорогу назад запомнить, а то у вас в Кафе по темну стало небезопасно ездить.

– Слышал, что тебя разбойники ограбить хотели. И покалечили. Такое в последнее время нередко стало. Посему Мабрук-бей распорядился усилить охрану города. Много лихих людей взяли в первый же день, всем головы отрубили. Сейчас тише стало.

– Поглядим, как тише.

Они проскакали через центр города и свернули в проулок, который представлял собой каменный мешок. По бокам глухие стены высокого забора, в торце ворота, украшенные цветами. За ними недалеко виднелись башенки дома-дворца.

– Там, – указал жестом гонец, – усадьба мурзы. Запомнил дорогу?

– Запомнил.

– Если надо, скажи, провожу обратно.

– Обойдусь.

– Ну, смотри.

При подъезде ворота открылись. Всадник въехал в мощный двор и направился к парадному входу. Там его уже ждал улыбающийся Камиль.

– Салам, Михайло!

– Салам, Камиль! Купил коня?

– О! Доброго коня купил. Доплатить пришлось.

– Много?

– Двести акче.

– Коли разговор с мурзой пройдет хорошо, дам тебе еще триста.

– Яхши!

Бордак спрыгнул с коня, огляделся, кругом зелень и роскошь, гонец исчез. Подбежал татарчонок, взял под уздцы коня.

Бордак взглянул на Камиля, и тот кивнул:

– Отдай, он напоит коня.

Они прошли через череду комнат в богато обставленную залу, где на топчане возлежал солидного вида мужчина в шелковом халате, пил чай. Рядом была расстелена скатерть, на ней чайник и пиалы, ваза со сладостями.

– Михайло Бордак, о котором тебе, господин, ведомо, – представил прибывшего Камиль. Мурза махнул рукой, и он, кланяясь, вышел.

– Приветствую тебя, Басыр-мурза! – произнес Михайло, слегка склонив голову.

– И тебе долгих лет, рус. Ты проходи, устраивайся рядом, чаю выпей.

– Извини, мурза, не привык я к вашим лежанкам и сидеть, скрестив ноги, не привык, так что без обиды, но присяду на край. А от чая не откажусь. У вас отменный чай.

– Хорошо. Делай, как удобно.

Бордак присел на край топчана, укрытого дорогим персидским ковром.

Мурза налил в пустую пиалу чаю, протянул Бордаку. Дождавшись, как гость допьет чай и поставит чашку на ковер, сказал:

– Я готов тебя выслушать, Михайло.

– Тебе же все известно.

– То со стороны, а я хочу от тебя. Говори.

Пришлось московскому посланнику повторить то, что говорил Камиллю.

Мурза выслушал, поправил подушку, оперся на нее локтями и кивнул головой:

– Значит, царь Иван хочет выкупить у меня невольников. Это достойный поступок для правителя Руси. Тем он немалую приязнь народа получит.

– Государь Всея Руси не о приятности печется, о людях своих, – заметил Бордак.

– Ну да, конечно. Хоп, если твой царь готов заплатить за невольников установленную цену, то я продам их. Для того и держал, и кормил. Цены ты должен знать, коли занимаешься этим делом.

– Ведаю. Но мы в Крыму, на Востоке, а здесь без торга ничего не делается.

– Из торговых, что ли? – спросил мурза, поглаживая бороду.

– Из служивых.

– И грамота есть?

– Конечно, от самого государя.

– Имеешь доступ к нему?

– Имею.

Мурза с нескрываемым уважением посмотрел на Бордака:

– То хорошо. Но... я торговаться не намерен.

– Знаешь, мурза, результат наших переговоров может быть один: либо мы договоримся, либо – нет. Если договоримся, ты получишь большую прибыль, если нет, то не получишь ничего.

– Но и ты не получишь ничего.

– Я на те деньги, что есть, выкуплю сотни рабов на невольничьем рынке. Просто куплю.

– И кто тебе даст сделать это?

– Хан. Крымский хан Девлет-Гирей или кто-то в Кафе пойдет против него?

– Ты подготовился к встрече, московит.

– Конечно.

– Твоя цена?

– Десять рублей за крестьян и тридцать за дворян и стрельцов. У тебя десять крестьян с женами, остальные дворяне, стрельцы и их жены. А значит... – Бордак задумался, как бы

подсчитывая, хотя давно все просчитал... – значит, за невольников ты получишь пятьсот пятьдесят рублей, огромное состояние, если учитывать, что корова и рабочая лошадь на Руси стоят один рубль, а отварная курица – одну копейку. Но... ты можешь получить и больше, если обеспечишь проход выкупленным невольникам за Перекоп, к месту, которое будет указано позже, где их встретят наши ратники.

– Сколько в этом случае?

– Шестьсот рублей.

– Шестьсот пятьдесят рублей за все, и это последнее мое слово.

Бордак поморщился, хотя внутри ликовал, по установленной цене русские должны были бы заплатить только за невольников девятьсот пятьдесят рублей, а с охраной перехода – тысячу. Но постарался изобразить досаду:

– Из-за пятидесяти рублей будем спорить?

– Я и так сбросил много. И еще мне отряд готовить, обоз. Шестьсот пятьдесят рублей платы – и невольники двинутся за Перекоп.

– Эх, восток, восток, а говорят, торг тут везде, – вздохнул Михайло. – Он есть, только смысл торговаться, если получишь скидку самую малую, а то и вовсе ничего. Но... вынужден согласиться. Давай составлять договор.

– Договор?

– Конечно. Только при его наличии Москва выделит из казны такие деньги.

– Я не знаю, как его делать.

– Я ведаю, мурза. Зови помощника с письменными принадлежностями и бумагой.

– Ты решил, что можешь мне указывать?

– Нет, извини, но тогда свою часть договора придется писать тебе.

– Шайтан бы побрал все эти бумаги, – скривился мурза и крикнул в сторону дверей: – Камиль?!

Тут же появился помощник. Мурза распорядился, и Камиль, принеся все требуемое, присел за столик.

– Диктуй, – кивнул Бордаку Басыр, – но учти, я прочту все от начала до конца.

– Как тебе угодно, мурза.

Через непродолжительное время договор был составлен, Камиль переписал его вторым документом и дал ознакомиться с ним мурзе.

Тот несколько минут читал, затем кивнул:

– Яхши!

– Подписываем?

– Да.

Мурза и посланник подписали договора, Басыр еще и печать поставил, один свиток забрал Бордак, другой – Камиль.

– Когда ждать деньги? – спросил мурза.

– А сколько времени тебе треба, чтобы подготовить невольников и выставить с обозом для проезда по Крыму?

– Неделю, не более.

– Ну, тогда через неделю будут и деньги.

– У тебя все?

– Нет. Мне поручено вручить тебе подарок. Но, зная, что ты любишь породистых коней, хорошее оружие, а я в этом не знаток, то прими вот это. – И Михайло передал мурзе кошелек.

– Сколько? – спросил тот.

– Двадцать тысяч акче.

– Яхши, благодарю. Передай русскому царю подарок и от меня.

Басыр вновь позвал помощника, и Камиль вошел в залу с бархатным продолговатым коробом. Мурза протянул его Бордаку со словами:

– Вручишь царю русскому из рук в руки.

– Могу знать, что в коробе?

– Все одно посмотришь же!

– Нет, коли запретишь.

– Странные вы, русские. Ладно, там ожерелье из драгоценных камней, иноземного мастера работа.

– Но пошто царю ожерелье?

– У него умерла жена в прошлом году, Мария Темрюковна. Не будет же царь жить один, обязательно женится. Вот и будет подарок его новой супруге.

– Ну, если так, благодарю, не сомневайся, передам.

– А я и не сомневаюсь.

– Тогда до встречи, мурза? Хотя, возможно, она пройдет без меня.

– Будем надеяться, что увидимся. А нет, удачи тебе во всем.

Камиль проводил Бордака во двор, где получил обещанные триста акче, от сопровождения московский посланник, как и ранее, отказался и уехал.

В подворье его ждала вся семья дружественного татарина.

– Ну, наконец-то, – облегченно проговорил Ризван, пропуская Михайло во двор, – я уж волноваться начал. Хоть и стали стражники больше смотреть за порядком в городе, но все улочки они закрыть не могут. Сделал дело?

Бордак соскочил с коня, передал поводья Хусаму и ответил:

– Да. Теперь дело за боярином Нагим.

– Удалось сбить цену?

– Как ни странно, да, и очень прилично. Даже не ожидал.

– Если считаешь, что мурза уступил тебе из-за твоих способностей торговаться, то ошибаешься. Просто русские невольники стали уже ему в тягость. Держать далее – боле тратиться, а так он избавился от них. Убедился, что царь Иван слово держит, теперь соберет большой отряд, отправит на Русь за новыми рабами и будет ждать, пока их снова выкупят.

– Если его поганым людишкам руки и ноги на Руси не поотрывают.

– До этого не особо отрывали.

– Времена, Ризван, меняются.

– Трапезничать будешь?

– Поначалу помоюсь.

– Яхши, я буду в летней кухне.

Бордак пошел к себе. Теперь многое зависело от того, сделает ли дело Курбан в Бахчисарае и когда прибудет человек боярина Нагого.

И с этим все сложилось удачно.

Уже на следующий день во время полуденного намаза к подворью Ризвана подъехал всадник и встал напротив ворот.

Хусам, возившийся с седлом, спросил незнакомца:

– Чего тебе, человек?

– Бордак тут обитает?

– А ты кто такой, чтобы я отвечал тебе?

– Гонец русского посольства. Так тут или нет?

– Погоди.

Хусам двинулся было к дому, но Михайло, увидев всадника из окна, сам вышел во двор:

– Салам, гонец! Говоришь, из русского посольства?

– Да.

– Кто и зачем тебя послал?

– А ты кто?

– Я тот самый Бордак, о котором ты спрашивал.

– Угу! Ну, тогда сообщаю тебе, что дьяк Петр Петрович Агапов в Кафе. Недавно приехал и желает с тобой говорить.

– Где?

– Он ждет тебя на посольском подворье.

– Хоп. Передай, сейчас же соберусь и буду.

– Яхши!

Что-то сказав сыну Ризвана, татарин-говец рассмеялся и ускакал галопом.

Бордак же быстро собрался, вывел коня из конюшни.

– Тебя не проводить, Михайло? – подходя к нему, спросил Ризван.

– Пошто так говоришь, я что, беззащитный отрок? – удивился Бордак.

– Да так предложил.

– Где подворье, я ведаю, доеду.

– Вернешься ли?

– Даже если и придется сразу ехать на Москву, что вряд ли, то все одно заеду, поблагодарить и проститься.

Через полчаса московский посланник въехал на небольшой двор, что находился во владении московских послов.

Дьяк Агапов встречал у дома.

– Приветствую тебя, Петр Петрович, – соскочив с коня, проговорил Михайло.

– И тебе долгих лет. Вот Афанасий Федорович послал к тебе.

– Где говорить будем?

– Дома жарко, давай в саду.

– Давай в саду.

Там тоже стоял топчан, дьяк и посланник сели на край.

– Какие новости, Михайло? – спросил Агапов.

– Хорошие новости. По делу наших невольников.

– Слушаю тебя.

Бордак поведал о встрече с мурзой Басыром, о достигнутых договоренностях, закрепленных договором.

– Да, новости хорошие, – воскликнул дьяк. – Значит, мурза готов отправить обоз к Перекопу сразу после получения денег?

– Так. Но перед тем надо еще разговаривать с ним, узнать о готовности. И уже не мне. Я свое дело сделал, у меня теперь забота – мурза Азат. Кстати, Петро, Курбан чисто сработал?

– О, помощник мурзы Азата – находчивый человек. Прознал, что за посольством смотрят иноземцы, сам приехал.

– Сам? О том договора не было.

– А он без договора. Приехал с нукерами и устроил скандал у посольского подворья. Покуда разбирались да успокаивали нукеров, он все, что надо, и передал. Хитрый лис, твой Курбан.

– Это он может. Но ладно, то хорошо. Слежки за вами не было?

– Нет. Проверяли. Да по просьбе Афанасия Федоровича нас поодаль сопровождал отряд татарского вельможи, с которым у посла приятельские отношения. Не мы, они бы заметили.

– Добре. Об отряде Тугая ничего не слышно?

– Ушли за Перекоп на Муравский шлях, проводник вернулся, сказал, Крым прошли благополучно.

– Рад.

– То и понятно, о женщине своей думаешь?

– Думаю.

– Им уже недолго по степи идти, далее наши заставы начнутся, легче будет. Должны пройти. Проводник рассказывал, сейчас по шляху много торговых обозов ходит, лихих людей не замечено, татары не балуются.

– Затихли перед тем, как начать свое черное дело.

– Может, и так. О том тебе узнавать у Азата. Как мне выйти на мурзу Басыра?

– Я доведу до его поместья. Меня знают, тебя примут. Но мурза спросит о деньгах.

– Они со мной.

– Ты вез такую сумму через степь?

– Не впервой, Михайло.

– Когда намерен говорить с Басыром?

– Сегодня отдохнем, можно уже завтра.

– Хорошо, тогда завтра и поедем.

– А может, ты сегодня заглянешь туда, в поместье? А то мы приедем, а мурзы нет.

– Хорошо, прямо сейчас и съезжу. Вернусь, сообщу о результатах поездки.

– Давай, Михайло, я подожду.

Бордак проехал до «каменного мешка». Его увидел сторож с башни у ворот. Охранник был груб, не разглядел приехавшего гостя, а может, и не видел его ранее.

– Кто такой? Что надо?

– Кликни Камиля, помощника мурзы Басыра.

– Ты Камиля знаешь? – удивился тот.

– Пошевелись, дабы не заполучить неприятностей!

Стражник вызвал помощника мурзы.

– Михайло? – удивленно проговорил Камиль, выходя за ворота.

– Что, сильно изменился за день?

– Просто не ожидал.

– Мурза на месте?

– Сейчас нет, к родственнику в ближнее селение поехал, вернется вечером.

– Хоп! Передай ему, что человек от русского царя с деньгами здесь, в Кафе. Завтра желает встречи.

– Быстро.

– А чего тянуть?

– Передам. Тебе сообщат, примет ли завтра Басыр этого человека.

– Хорошо.

– Важный вельможа?

– Помощник посла московского.

– Важный, ведаю, – покачал головой Камиль. – Ожидай гонца.

– Того, кто был? Амин?

– Да.

– Передай еще, что помощник посла пожелает посмотреть невольников и говорить с ними.

– Сколь угодно. Их действительно содержат не как рабов.

– Хоп! Жду!

Бордак отвернул коня и вернулся в посольское подворье, где сообщил о разговоре с помощником мурзы, добавив:

– Я ему еще сказал, что ты смотреть невольников будешь и говорить с ними.

– Правильно. Я то и хотел сделать.

– Ну, тогда, Петро, ожидай, подъеду, скажу, когда мурза соизволит принять тебя. Думаю, тянуть не будет, слишком жаден до денег.

– Кто из них не жаден, Михайло?

– Твоя правда, дьяк. Я на подворье Ризвана.

Бордак уехал. Ризван лишних вопросов задавать не стал. Вернулся живой и невредимый, то и добре. Или яхши, как говорят татары.

Гонец из людей мурзы Басыра приехал вечером после молитвы. Амин уже дружелюбно улыбался «литвину»:

– Скажи своим, мурза примет завтра посольского московского дьяка после полуденной молитвы. Пусть приезжает и привезет то, что намерен отдать взамен товара.

– Люди не товар, Амин.

– Это для кого как.

– А если всю твою семью уведут в полон? Скажем, в Речь Посполитую, Великое княжество Литовское или в королевство Польское, да там продадут по одному тем же генуэзцам или османам, ты так же будешь считать, что они товар?

– Я резать буду тех, кто продал. Найду и вырежу весь род.

– А чем же наши люди хуже ваших? Ведь среди нас живет много татар. Возьми касимовских, казанских, астраханских. У Ивана Васильевича много татар в войске, они готовы воевать за Москву. И они нам как братья, как свои.

Гонец смутился. Он просто не знал, что ответить на слова Бордака. Посему проговорил:

– Завтра после полуденной молитвы. Посольский может смотреть невольников, говорить с ними, мурза Басыр милостив, разрешил, – и повел коня по улице.

Неделя ушла на окончательное оформление купчих, подготовку бывших невольников. С мурзой Басыром постоянно работал помощник русского посла.

Бордак же теперь ждал возвращения Азата из Бахчисарая.

Курбан объявился в понедельник после полуденной молитвы. Подъехал к подворью Ризвана, Хусам пропустил помощника мурзы во внутренний двор.

Бордак, улыбаясь, протянул обе руки татарину:

– Ну, здравствуй, Курбан!

– Салам, Михайло! Ваш посольский приехал?

– А что ты там в Сююр-Таше за игрища устроил?

– Может, для начала хозяин подворья предложит гостю присесть, напоит чаем?

– Да, конечно, Курбан-ага, – засуетился Ризван.

После чаепития, сидя в тени дерева, Курбан поведал о приключениях в Бахчисарае и Сююр-Таше.

– Я надеялся на одного человека, занимающегося торговлей. Он частенько бывал в Сююр-Таше, там у него много родственников, да надежды не оправдались, захворал мой купец, хворь огненная его в постель уложила. Уезжал когда, проводывал, все еще плох был. А обещание выполнить надо. Думал, думал и решил сам ехать с нукерами. Мурза Азат был во дворце хана, я и поехал. А как подобраться к русскому посольству, когда за ним столько глаз? Напрямую нельзя. Пришлось поиграть. Подъехали, стали оскорблять стражу русскую. Те, надо отдать должное, поначалу внимания не обращали, терпели, терпели, а потом отвечать начали. Я нукеров вплотную к воротам подвел, кричу – подожду городьбу, неверные псы, ты уж извиняй, Михайло. Факел, заранее подготовленный, поднял и вплотную к воротам. Тут уж из подворья выскочило с десятков стрельцов, пищали на бердыши, и целиться. Я проскочил к старшему, говорю, игрища то. Он не понял. Ну, я ему быстро передал твои слова и наутек. За мной нукеры. Хорошо, стрельцы не пальнули, а то остались бы в Сююр-Таше, но пронесло. По отходящим, видно, они приказа стрелять не имели. А догонять нас в посольстве и некому. Вот так я сполнил обещание.

– Но ты же рисковал вельми, Курбан! – воскликнул Михайло.

– Э-э, впервой, что ли? – протянул татарин.

– Ну, спасибо, молодец. Погоди тут, я щас. – Бордак прошел к себе, вернулся с мошной:

– Держи, Курбан, пятьсот акче, заслужил.

– Благодарствую! – Мошна мгновенно исчезла под одеждой предприимчивого татарина. –

Ну а теперь, Михайло, главное. Ныне, как обычно уже стало, после вечернего намаза подъезжай к старому месту. Я встречу, провожу до Азата. Мурзе есть что сказать тебе. Про подарок ему не забудь.

– Любят ваши мурзы подарки.

– А кто их, Михайло, не любит? Я с удовольствием беру. А ты – нет?

– Да мне особо никто ничего и не дарит.

– Э-э, для тебя лучший подарок – Алена.

– Какой же это подарок, коли выкупать пришлось?

– Все одно. На ее месте могла быть другая, к которой у тебя, кроме жалости, иных чувств не возникло бы. Все одно купил бы, но чтобы отправить на Русь, а не к себе на подворье с намерением создать семью.

– И все ты, Курбан, ведаешь!

– Не все, Михайло, но многое!

– Хоп! Договорились!

– Тогда поехал я, мне еще кое-куда по велению мурзы Азата заехать надо, вечером жду.

– Да, Курбан. И еще раз спасибо.

– Ты почаще подарки делай, – рассмеялся татарин.

– Разберемся.

Проводив взглядом помощника мурзы Азата, Бордак направился на посольское подворье.

– Что-то случилось, Михайло? – увидев его, спросил дьяк Агапов.

– Как у тебя дела, дьяк?

– На неделе отправим обоз. Думаю, послезавтра.

– Это значит в среду?

– Да.

– Я, возможно, уже сегодня узнаю о том, что было на большом диване в Бахчисарае, и тогда поеду на Москву с обозом. Если, конечно, Афанасий Федорович не задержит.

– Не задержит. Он так и сказал, решится вопрос с невольниками, Бордаку Михайло след за ними отправиться на Москву. При условии, если он узнает то, что должен узнать от мурзы Азата. Не узнает – останется и продолжит работать с мурзой.

– Мне деньги на подарок Азату нужны, – сказал Бордак.

– Много?

– Двадцать тысяч акче.

– Ох, – вздохнул Агапов, – деньги, деньги, деньги, кругом одни деньги. Быстрее бы на Москву вернуться, у нас не так, как здесь.

– В торговых рядах точно так же, только торг не шумный и не пустой.

– Погоди тут, – сказал дьяк и пошел за мошной. Быстро вернулся и протянул ее Бордаку: – Здесь ровно двадцать тысяч акче.

– Ну, тогда поехал я, сегодня уже заезжать не буду, о разговоре с мурзой Азатом сообщу завтра.

– Дай бог получить нужные сведения.

– Ну, что-нибудь интересное Азат поведаст, иначе не получит денег.

– Добро, Михайло, будь осторожен. Наша миссия подходит к концу, не хотелось бы, чтобы что-то произошло неприятное.

– Знать бы еще, как обоз Тугая?!

– Молись, Михайло, и Господь услышит тебя.

– Так и молюсь, денно и ночью.

Вечером, когда сумерки накрыли Кафу, Бордак подъехал к знакомым воротам.

Стража пропустила его. Во дворе встретил Курбан, провел в главную комнату мурзы. Тот сидел на своем топчане и по обыкновению пил чай. Оставалось лишь удивляться, сколько на самом деле татары могут его выпить.

– Салам, мурза!

– Салам, Михайло! Деньги привез?

– А есть за что?

– Есть.

– Деньги со мной.

– Присаживайся, коль не привык лежать на топчане. Не понимаю, это ведь так удобно.

– Для тебя и твоих соплеменников. – Бордак присел на край топчана, пододвинувшись к мурзе. – Говори, вельможа, я слушаю.

– Обо всем, что обсуждалось на большом диване, говорить смысла нет. Важно то, что он утвердил план похода на Русь весной следующего года. По этой осени решение таково. В Дикое поле выйдет войско Галибея. Это пять сотен воинов. Во главе их назначены мурзы Вахид и Динар из Бахчисарая, приближенные хана, Икрам и Мансур из Кезлева, у них отряды, имеющие опыт подобных набегов, ну, и отряд твоего покорного слуги.

– Как? Ты назначен командовать одной из сотен? – воскликнул Бордак.

– Тебя это удивляет?

– Признаться, да.

– Девлет-Гирей лично просил меня собрать отряд и вывести его в поле.

– Когда, как и где будет промышлять войско Галибея? Единой ордой или отдельными частями?

– Сотнями. Стан Галибея определен в Перекопе. Вахид-мурза поведет отряд к Новгород-Северскому, Динар – к Рыльску. Мне поручено провести отряд вдоль реки Оскол, на реке Северский Донец будет действовать Икрам-мурза, к Дону пойдет Мансур. Поход назначен на середину октября. Цель тебе известна, разведка, ну, и разорение небольших городов, сел, деревень, дабы привести в Крым как можно больше невольников. На поход время до начала ноября. Тогда войско Галибея должно вернуться в Крым, пригнав невольников в Кафу и Кезлев, где самые крупные невольничьи рынки. Спрос на «живой» товар есть. Больше всего им интересуется султан Селим II.

– Да-да, – проговорил Бордак, – обширную территорию хотите разорить, хотя непонятно одно, если у Новгород-Северского и Рыльска вам будет чем поживиться, то вдоль рек только мелкие деревни, да и те в большинстве брошенные. Кого ты, Азат-мурза, будешь брать в невольники?

– Э-э, Михайло, то не твоя забота.

– Хоп, не моя. Какие-либо изменения в планах Девлет-Гирея по осени еще возможны?

– Все возможно, что дозволит Всевышний, но я не помню случая, когда менялись планы, утвержденные большим диваном.

– А на весну разряд делался?

– На весну все вельможи получили приказ собирать войско. Послам хана поручено вести переговоры с ногайцами, кипчаками, черемисами, другими племенами, дабы пополнить рать. Сейчас сказать, сколь Девлет-Гирею удастся собрать войска, не можно, то станет известно весной. Планируется от сорока до восьмидесяти тысяч воинов. Но, скорей всего, не более шестидесяти тысяч сумеет собрать хан. Селим II помнит о том, как Девлет-Гирей сберег своих людей и погубил турок у Астрахани, посему от него поддержки не будет. Если только наемники, но тех немного обычно бывает. Османам проще нанять и использовать наемников.

– Значит, Девлет-Гирей пойдет весной без янычар?

– Я же сказал, если они и будут, то только по найму. И немного. Султан выделять войско не желает.

– Но очень желает похода на Русь.

– Не только желает, настаивает на нем, – усмехнулся мурза. – Да так, что Девлет-Гирей, не желая нашествия, если представить это, отказаться не может.

– Ясно. Нужны будут данные по войску весной.

– Тогда и поговорим об этом. До весны еще дожить надо, кто знает, сколько Всевышний отвел нам жизни на этой грешной земле. Давай деньги.

Бордак достал мошну, передал мурзе. Тот вызвал Курбана, отправил считать монеты, а Михайло вернулся на подворье Ризвана.

В среду, попросившись с гостеприимными татарами, в том числе и с Курбаном, Бордак с бывшими невольниками в обозе с охраной в три десятка нукеров Басыр-мурзы покинул проклятую Кафу.

В тот же день обоз Осипа Тугая выехал с Данилова двора, что стоял в небольшой русской деревеньке на берегу Северского Донца, и продолжил путь по шляху. Поход не задался с самого начала, то отлетело колесо у телеги, где отдыхали ратники и находилась Алена с ребенком, и пришлось менять его, то подул сильный ветер, поднявший пыль с дороги. Ближе к обеду разыгралась гроза, и только часам к трем все вроде бы успокоилось. Тугай намечал остановку на Ивановом дворе у деревни Колечня, до которой было сорок с небольшим верст, но до обеда прошли менее половины, и он приказал увеличить темп. Все пошло хорошо, но, видать, для русских ратников выдался «черный» день. Проехав через сухой овраг – буерак, вышли к лесополосе. Она тянулась с юга на север и выглядела угрожающе. Стена деревьев с кустами, через которые ничего не было видно.

К посольскому гонцу и старшему отряда Тугаю подъехал его первый помощник, сотник Иван Березняк, хотя отряд насчитывал полтора десятка ратников:

– Что-то мне не нравится эта лесополоса, – указал он плетью на стену деревьев и кустов.

– Чего заметил? – спросил Тугай.

– Птиц нет, то и заметил. А должны быть, далее, севернее, есть, тут же нет.

– Мыслишь, спугнул кто-то?

– Один человек не спугнет столько птиц. Подымет, но не спугнет, чтобы разлетелись.

И гляди далее, шлях, обходя балку, подходит саженой на тридцать к лесу.

– Засада?

– Может быть, Осип.

– Были бы ордынцы, то ранее дали бы о себе знать.

– А если не татары, а свои лихие люди?

– Откуда? До людного селения верст шестьдесят.

– А что им, разбойникам, селение? Для них лес – селение.

– Но не такой, как эта полоса. В лесополосе и лагеря не поставить.

– Большой лес восточнее, там может быть стан разбойников, а тут подходящее место для разбоя.

Тугай сдвинул на затылок шапку, погладил бороду:

– Место, конечно, для засады подходящее, тока разбой учинять на шляхе несподручно.

По нему отряды купцов с редкой охраной не ходят, а крупные имеют ратников до сотни, тоже не возьмешь.

– А ты вспомни, что крымский хан на малом совете говорил? Татары намереваются по осени устроить погромы на землях наших. И эти осенние отряды должны выйти не за добычей, им главное, беспокоить русские заставы.

– То помню, Иван, но коли в лесополосе разведка татар, она не должна открывать себя.

– То так, коли главарь банды с головой, – кивнул Березняк. – А коли обычный сотник, что не дурак поживиться по возможности?

– Ну, не знаю, Иван. Сам-то что предлагаешь?

– Дабы избежать окружения, растянуть отряд. Вперед пустить пяток ратников с десятником Миколой Быстрым, при обозе оставить также пяток воинов во главе с опытным Власом Строгиным, а сзади держать остальных, под командой Сеньки Малого.

Подумав, Тугай отдал команду на остановку.

Отряд встал в ста саженьях от опасного места.

– Покуда я скажу Власу и Сеньке, чего делать, ты возьми Мирона Капорина, пусть он, не отходя далече от обоза, поглядит внимательно лес, – наказал Березняку Осип. – Мирон – знатный следопыт и охотник, он определит, есть кто в лесополосе или нет.

– Ладно!

Отъехав к телегам, Иван подозвал к себе Мирона, Тугай подозвал Быстрого и Малого. Говорил недолго, объяснял, что, почему и как след делать, покуда обоз не пройдет мимо лесополосы. Ратники удивлялись, но слушали молча. Они были опытными воинами, привыкшими к дисциплине. Коли старшой приказывает, то треба не задавать вопросов, а сполнять его команду. В окончании разговора с ратниками Тугай спросил:

– Все поняли, други?

– Да, Осип, – ответил десятник, – тока треба шлемы заранее надеть, да сабли и топорки достать. Коли ворог али разбойники узрят, что не купеческая охрана идет мимо, а служивые ратники, еще подумают, нападать аль нет.

– Приготовьтесь. Ну, а коли нападут, отбиваемся.

Сенька Малой, добродушный молодой мужик, улыбнулся:

– Ну, не сдаемся же.

Головы малых групп отъехали, а к Тугаю подошли Березняк и Капорин.

– Что молвишь, Мирон? – взглянул он на следопыта.

– Есть в лесополосе и люди, и кони, немного, но больше десятка. Узрел троих, те, видать, в дозоре. Кони за ними, далее за полосой еще люди.

– И как узрел-то, Мирон? – удивился Тугай.

– Ветер стих? Стих, ветви деревьев висят спокойно, так? Так. А напротив была шевелящая. Присмотрелся – дозорных головы из кустов торчат. Прячутся, нас видят. Отъехал на холмик, глянул поверх кустов. Лесополоса хоть и густая, но больше сосен, у них ствол открытый до кроны, через стволы узрел коней, на мордах мешки.

– А как понял, что недруга в полосе немного?

– Так опять же по ветвям. На десять саженьей вдоль шевеление, до того и после – тихо. Но, может быть, и дальше вороги, потому как главные силы обычно ставят за полосой, внутри тока дозор и ближний отряд мелкий.

– Значит, все-таки засада?

– Да. И ворог нас видит. Разумеет, что не купеческий обоз, ратники в кольчугах, да с оружием, конные. Нападут аль нет, сказать трудно.

– Давайте, други, в середину обоза к телегам, бабу предупредите, чтобы зарылась в вещи и из телеги не высовывалась, да ребятенка под собой держала.

– Испугается, – покачал головой Мирон.

– А ты успокой! Молви, ничего страшного, отобьемся. Да, еще хотел спросить. Что это за ворог? Татары али кто другой?

– Не могу сказать, покуда не увижу, как пойдут в атаку.

– Ну, тогда и я пойму, что за банда. Приготовились?

Тугай посмотрел вперед, назад, на основную группу, в которой находился сам с Березняком, поднял руку и махнул вперед. Отряд, разделившись, пошел к опасному месту. Алена

закопалась в вещах, накрыв собой сына, который уже научен не плакать, когда то могло выдать его с матерью.

Залихвастый свист разнесся по округе, и тут же из лесополосы выскочило с десяток конных разбойников. Они были в татарской боевой одежде, но в отличие от ордынцев вооружены копьями да кольями. Уже по тому, что отряд не обстреляли стрелами из засады – прием, почти всегда применяемый татарами, – Тугаю стало понятно, что это не ордынцы.

– К бою, ратники, ату их! – крикнул он.

Десяток нападавших встретило семь ратников во главе с самим Тугаем. Будучи на конях, они, с одной стороны, имели преимущество, с другой же – были больше уязвимы для копей и кольев. Первый выпад разбойников, нацеленный на то, чтобы выбить из седел ратников, бывалые люди Тугая отбили саблями, разбив древка копьев и колья. Тут же Осип приказал спешиться. Государевы ратники соскочили с коней, закрыв собой обоз, и вступили в сабельный бой с ворогом. Быстрый и Малой двинули было свои группы к месту сечи, но Тугай остановил криком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.